

ЛИССБЕТ КОТЦОВА

18+

Лиссбет Котцова
Измена дракона

«Литнет»

2026

Котцова Л.

Измена дракона / Л. Котцова — «Литнет», 2026

Я очнулась в теле женщины, которая не пережила развод с драконом. Её муж Райден поверил обвинению в огненной измене, лишил жену власти и позволил другой занять её место. Ритуал должен был расторгнуть брак. Вместо этого Лиора умерла, а повреждённая печать связала с драконом меня. Теперь уйти невозможно. Разрыв нашей связи разрушит щит, который сдерживает смертоносную бурю. Погибнут тысячи людей. Повторный ритуал может стоить мне жизни. Чтобы выбраться, придётся раскрыть преступление, за которое осудили прежнюю жену Райдена, и работать рядом с мужчиной, которому я не доверяю. Брачная печать уже распорядилась моей жизнью. Я намерена вернуть себе право выбора. А Райдену придётся решить, что ему дороже: сохранить власть над мной или дать мне возможность уйти.

© Котцова Л., 2026

© Литнет, 2026

Содержание

Глава 1. Слово, остановившее огонь	5
Глава 2. Жена предателя	14
Глава 3. Мои условия	24
Глава 4. Договор с драконом	40
Глава 5. Чужие покои	55
Глава 6. Цвета другой женщины	68
Глава 7. Пустое кресло	82
Глава 8. Память под замком	96
Глава 9. Курьер, которой не существовало	114
Конец ознакомительного фрагмента.	117

Глава 1. Слово, остановившее огонь

Я закончила расследование в девять сорок вечера.

Не победила, не восстановила справедливость и даже не услышала извинений от людей, которые последние три недели намекали, что я принимаю рабочую проверку слишком близко к сердцу.

Просто положила на стол директора папку с копиями договоров, банковскими выписками и таблицей расхождений.

В последней колонке стояла сумма, которую невозможно было объяснить ошибкой невнимательного бухгалтера.

Директор пролистал первые страницы, задержался на знакомой подписи и откинулся на спинку кресла.

– Вы уверены?

Я смотрела на него через стол, заваленный бумагами.

– Да.

– Речь идёт о человеке, который работает с нами двенадцать лет.

– Это не меняет движение денег.

Он снова взглянул на папку. Не на меня.

– Вы понимаете, какие будут последствия?

Этот вопрос мне задавали всегда, когда последствия собирались наступить не для того человека.

– Понимаю.

– Возможно, стоило сначала обсудить выводы в узком составе.

– Мы обсуждали их дважды. После первого разговора исчез оригинал приложения к договору. После второго сотрудник, предоставивший выписку, получил уведомление о сокращении.

Директор поджал губы.

Я закрыла ноутбук и убрала зарядное устройство в сумку. Провод лёг не с первого раза. Пришлось достать его, свернуть заново и только потом застегнуть отделение.

Руки слушались хуже обычного.

Не от страха. От усталости.

– Завтра утром соберём комиссию, – сказал директор.

– Протокол встречи уже отправлен всем участникам.

Теперь он посмотрел на меня.

– Вы всё предусмотрели.

Нет. Я просто слишком хорошо знала, что происходит с неудобными доказательствами, если оставить их на ночь в единственном экземпляре.

– До завтра.

Ответа я не ждала.

В коридорах почти никого не осталось. За стеклянными перегородками темнели пустые кабинеты, на кухне гудел холодильник, а датчики освещения зажигали лампы по мере моего движения. Свет появлялся впереди и гас за спиной.

На улице шёл холодный дождь.

Я остановилась под козырьком, застегнула пальто и несколько секунд смотрела на парковку. Чёрный асфальт блестел под фонарями. Машин осталось немного.

Телефон показывал три пропущенных звонка от матери.

Я перезвонила, уже сидя за рулём.

– Ты опять на работе? – спросила она вместо приветствия.

– Уже еду домой.

– Ты ела?

– Да.

Это была ложь, но незначительная. В холодильнике дома оставался суп. Через сорок минут ложь должна была перестать быть ложью.

– Голос усталый.

– День длинный.

– Может, возьмёшь выходной?

– Посмотрю утром.

Мама вздохнула. Она знала, что это означало «нет», но спорить не стала.

– Позвони, когда доедешь.

– Позвоню.

Я положила телефон экраном вниз и выехала с парковки.

Дождь усиливался. Дворники работали на предельной скорости, но вода всё равно размазывала огни встречных машин по лобовому стеклу. Я держалась правой полосы, не превышала скорость и старалась не думать о завтрашней комиссии.

Папка лежала в сумке на соседнем сиденье.

Оригиналы хранились в другом месте. Электронные копии получили четыре человека. Даже если утром меня попытаются обвинить в превышении полномочий, документы уже не исчезнут.

Я сделала всё правильно.

Почему-то от этой мысли легче не стало.

За городом движение поредело. По обе стороны дороги тянулись тёмные поля, редкие фонари выхватывали мокрые ограждения и дорожные знаки.

Я увидела красные огни слишком поздно.

Машину впереди повело на мокром участке. Она ударилась боком об отбойник, развернулась поперёк полосы.

Я нажала на тормоз.

Педаль ушла вниз. Ремень впился в грудь.

Слева вспыхнули фары.

Удар пришёлся в бок.

Металл взвыл так, будто автомобиль был живым. Мир дёрнулся, перевернулся и на несколько страшных секунд перестал различать верх и низ.

Потом всё остановилось.

Дождь стучал по искорёженному кузову.

Я висела на ремне, прижатая к сиденью. Во рту появился вкус крови. Левая рука не слушалась, а каждый вдох резал грудь изнутри.

Телефон куда-то исчез.

Я моргнула, пытаясь сосредоточиться.

Лобовое стекло покрылось белой сеткой трещин. За ним, в нескольких метрах, стояла развернувшаяся машина. Передняя часть была смята. Из-под капота поднимался дым.

Внутри кто-то двигался.

Я попыталась расстегнуть ремень. Пальцы скользили по кнопке.

С первого раза не получилось.

Со второго тоже.

Я заставила себя остановиться.

Вдох. Ещё один.

Кнопка была справа. Рука работала плохо, но работала.

Ремень отпустил меня, и я рухнула плечом на дверь. Боль на мгновение выбила воздух из лёгких.

Где-то кричали.

Не в моей машине.

Я нашла рычаг, толкнула дверь. Та не поддавалась. Ударила ещё раз, навалилась всем весом.

Металл протяжно скрипнул. В щель ворвался дождь.

Я выбралась на дорогу.

Ноги держали. Пока.

Водитель другой машины лежал на руле. На пассажирском месте метался человек, зажатый ремнём. Я не видела лица, только светлую куртку и руки, которые беспорядочно били по стеклу.

– Не двигайтесь! – крикнула я.

Мой голос утонул в дожде.

Я подошла ближе. Под ногами хрустели осколки. Дым из-под капота становился гуще.

Дверь пассажира заклинило.

Я дёрнула ручку. Бесполезно.

Человек внутри что-то говорил. Я не слышала слов, но видела рот и широко раскрытые глаза.

– Сейчас.

Не знаю, кому я это сказала.

Ему или себе.

Я обошла машину, нашла на дороге обломок металла и ударила по боковому стеклу. Первый удар отозвался болью в плече. Второй оставил белую точку. После третьего стекло осыпалось внутрь.

Я прикрыла лицо локтем, просунула руку в проём и нащупала ремень.

– Не двигайтесь. Я расстегну.

Пассажир замер.

Хорошо. Значит, слышал.

Кнопка не нажималась. Ремень натянулся под неудобным углом. Я потянула сильнее.

Где-то сзади раздался автомобильный сигнал. Потом ещё один.

Кто-то бежал к нам по дороге.

Я почти справилась, когда под ногами дрогнул асфальт.

Нет. Не асфальт.

Моё тело.

Силы исчезли внезапно, словно внутри меня перерезали провод. Я ударилась коленом о мокрую дорогу и всё равно не отпустила ремень.

– Нож, – сказала я человеку, который подбежал первым. – Нужен нож. Ремень заклинило.

Мужчина наклонился к окну.

– Девушка, вы ранены.

– Сначала его.

Он посмотрел на меня, потом на пассажира и наконец полез в карман.

Я отползла в сторону.

Дождь был ледяным, но мне становилось жарко. Под пальто что-то неприятно липло к коже. Я прижала ладонь к боку и увидела на ней кровь.

Слишком много.

Вокруг появлялись люди. Кто-то звонил в экстренную службу. Кто-то кричал, что машина может загореться. Мужчина перерезал ремень и помогал пассажиру выбраться через окно.

Значит, получилось.
Я попыталась встать.
Не смогла.
Вместо дороги перед глазами оказалась мокрая чёрная поверхность, по которой бежали красные и белые отражения.
Странно, но страха не было.
Было раздражение.
Я не позвонила матери.
Не отправила окончательный отчёт в архив.
Не узнала, чем закончится комиссия.
Не поела.
Список получался нелепым. Мелким. Но именно эти мелочи почему-то держали крепче любых великих планов.
Чья-то рука легла мне на плечо.
– Не закрывайте глаза. Скорая уже едет.
Я хотела ответить, что не собираюсь.
Не смогла.
Холод добрался до костей. Шум дождя отдалился. Голоса стали тише, будто люди отходили от меня по длинному коридору.
Нет.
Слово возникло раньше мысли.
Нет.
Я ещё не закончила.
Мне было тридцать шесть. Я развелась, когда поняла, что уважение нельзя выпросить терпением. Научилась жить одна. Купила квартиру. Обещала матери летом съездить с ней к морю. Собиралась сменить работу после завершения проверки.
Я не хотела исчезать на мокрой дороге между разбитыми машинами.
Не сейчас.
Не так.
Тьма сомкнулась вокруг меня.
И в ней было что-то ещё.
Чужая боль.
Тонкая, почти оборванная нить.
Жар, который не согревал, а разрывал.
На одно мгновение я увидела красную стену под белым небом. Услышала далёкий удар крыльев. Почувствовала усталость женщины, имени которой не знала.
Она больше не держалась.
Я держалась.
Навстречу мне пришло тепло. Не ласковое. Последнее.
В нём не было слов, но я поняла просьбу.
Не дай им разрушить Предел.
Потом меня вытолкнуло к свету.
Я вдохнула.
Воздух обжёг горло запахом горячего металла, воска и дыма.
Под спиной был камень.
Не мокрый асфальт. Ровная холодная плита.
Я открыла глаза.
Надо мной изгибался высокий свод, исчерченный серебряными линиями. Они горели прямо в чёрном камне и сходились вокруг стола, на котором я лежала.

Вокруг стояли люди.

Незнакомые.

Мужчины и женщины в тёмной одежде, с напряжёнными лицами. Свет отражался от металлических застёжек, белых перчаток и тонких цепей на груди.

Я попыталась подняться.

Тело не послушалось.

Чужая рука удерживала моё правое запястье.

Я повернула голову.

Мужчина стоял так близко, что заслонял половину круга. Очень высокий, широкоплечий, в чёрной одежде с серебряной вышивкой. Короткие тёмные волосы намokли у висков от пота. По левой скуле тянулся тонкий шрам.

Но я запомнила глаза.

Тёмно-серые. Холодные. Слишком внимательные.

Он смотрел на меня не как на пострадавшую.

Как на угрозу.

Его ладонь была горячее. Почти обжигающей.

Под ней моё запястье охватывала серебряно-красная линия.

Огонь не лежал на коже. Он проходил сквозь неё.

Я дёрнула рукой.

Мужчина сжал пальцы сильнее.

Боль ударила от запястья к плечу, прошла через грудь и опустилась к животу. Не обычная боль от раны. Что-то тянуло меня изнутри, отделяло от тела слой за слоем.

Я закричала.

– Контур нестабилен, – произнёс кто-то справа.

Я понимала слова.

Не знала голос. Не знала язык. Но смысл возникал в голове одновременно со звуком.

– Продолжайте, – сказал мужчина в белых перчатках.

Он стоял у края каменного стола и держал ладони над светящимся рисунком. На его груди висел серебряный знак, похожий на раскрытый круг.

– Она пришла в сознание, – возразил пожилой мужчина в сером. Один его глаз был мутным. – Нужно остановить процедуру и провести повторную проверку.

– Согласие было подтверждено перед началом разведения огня.

Разведения чего?

Серебряные линии вспыхнули ярче.

Я снова дёрнулась. На этот раз всё тело свело судорогой.

Перед глазами возникла женщина.

Не лицо. Отдельные ощущения.

Холодная комната. Снятые со стены красные ткани. Закрытая дверь. Мужчина с серыми глазами, который не повернулся вслед.

Чужое отчаяние накрыло меня и исчезло.

Я тяжело вдохнула.

– Остановите, – сказала я.

Голос оказался незнакомым. Выше моего, хриплый от боли.

Никто не пошевелился.

Мужчина в белых перчатках продолжал вести руками над линиями.

– Госпожа Меррат-Керн, вы подтвердили добровольное расторжение брачной печати. Процедура не может быть остановлена после открытия территориального контура.

– Я сказала остановите.

Сероглазый мужчина смотрел мне в лицо.

В его зрачках мелькнул серебристо-красный свет.
– Лиора, – произнёс он. – Не усложняй.
Имя ударило сильнее магии.
Лиора.
Так звали женщину, чьё отчаяние я чувствовала.
Не меня.
Я попыталась вырвать руку. Он удержал.
– Отпустите.
– Завершите контур, свидетель, – приказала женщина у дальней стены.
Она была высокой, с серебристыми прядями в чёрных волосах и такой прямой спиной, словно вместо позвоночника носила клинок.
– Господин Керн, – вмешался седой мужчина в сером. – Её состояние изменилось.
– Печать уже открыта, мастер Вейр, – ответил человек в белых перчатках. – Прерывание опаснее продолжения.
– Для кого? – спросила я.
Никто не ответил.
Это было хуже любой угрозы.
Я посмотрела на светящийся рисунок.
Круг состоял из десятков линий. Одни шли от моей руки, другие тянулись к ладони сероглазого мужчины. Между нами поднималась тонкая полоса красного огня, похожая на трещину в воздухе.
Внутри неё что-то было.
Маленький тёмный осколок, закреплённый в металлическом гнезде у края стола.
Все линии отражались в отполированном камне.
Огонь отражался в застёжках.
Серебро отражалось в белых перчатках.
Только осколок оставался чёрным.
Свет падал на него и исчезал.
Я не знала, что это такое.
Но знала другое.
Его здесь быть не должно.
Знание пришло без слов. Как отвращение тела к испорченной пище. Как боль при попытке наступить на сломанную ногу.
Чужое.
Мёртвое.
Ложное.
– Уберите камень, – сказала я.
Мужчина в белых перчатках на мгновение сбилсЯ.
Сероглазый перевёл взгляд на осколок.
– Продолжайте, – повторил свидетель. – Она пытается сорвать процедуру.
– Уберите его.
– Лиора, ты знала условия.
– Я не знаю никаких условий. Но эта вещь не относится к вашему кругу.
По лицам вокруг прошла едва заметная перемена.
Пожилый мастер Вейр шагнул ближе.
– Что именно вы чувствуете?
– Ничего. В этом и проблема.
Он посмотрел на осколок.
– Господин Керн, ослабьте внешний контур.

- Нет, – резко сказал свидетель. – Разрыв на этой стадии повредит обе печати.
- А продолжение может уничтожить носителя.
- Она уже согласилась.

Боль стала почти невыносимой. Красный огонь поднялся выше, охватил предплечье. По коже проступили тонкие серебряные линии, будто кто-то рисовал их раскалённой иглой.

Мне снова показали чужую память.

Та же рука, но тоньше и слабее, лежала на столе.

Тот же мужчина стоял рядом.

Он смотрел не на женщину, а на печать.

Она что-то говорила ему.

Он не слушал.

Я судорожно втянула воздух.

Согласие, данное женщиной до моей смерти, не принадлежало мне.

Эти люди могли сколько угодно называть меня Лиорой. Боль всё равно была моей.

И решение тоже.

– Нет, – произнесла я.

Свет дрогнул.

Свидетель резко вскинул голову.

– Не слушайте её. Закрепляю третью линию.

– Нет.

На этот раз слово прозвучало громче.

Не крик.

Решение.

Серебряная линия у моего запястья остановилась.

Просто перестала двигаться.

Мужчина с серыми глазами посмотрел на наши руки. Впервые в его лице появилось нечто кроме холодного контроля.

– Что происходит?

– Она сопротивляется, – сказал свидетель.

– Я отказываюсь, – ответила я. – Сейчас. Здесь. При всех.

– Прежнее согласие уже включено в печать.

– Тогда ваша печать неисправна.

По кругу пробежала трещина.

Кто-то вскрикнул.

Свидетель в белых перчатках отшатнулся, но рук не опустил.

– Удерживайте её!

Сероглазый мужчина не двинулся.

Я посмотрела прямо на него.

– Вы слышали мой отказ.

Красный свет в его глазах стал ярче. Воздух вокруг него нагрелся.

Он мог приказать продолжить.

Все ждали именно этого.

Чужая ладонь всё ещё сжимала моё запястье, но давление ослабло.

– Остановить внутреннюю линию, – сказал он.

– Господин Керн, вы не понимаете последствий.

– Я сказал остановить.

В гневе его голос стал тише.

Свидетель побледнел.

Пожилой мастер Вейр быстро подошёл к столу и провёл ладонью над тёмным осколком. Его лицо изменилось.

– Здесь мёртвое стекло.

В зале стало очень тихо.

Даже огонь будто замер.

– Невозможно, – произнесла серебряная женщина у стены.

– Я знаю этот материал, госпожа Керн.

– Он мог быть частью ограничителя, – сказал свидетель.

– Мёртвое стекло не используют внутри брачного контура.

Сероглазый мужчина отпустил мою руку.

Облегчение длилось одно мгновение.

Потом печать взорвалась.

Свет ударил в потолок. Каменный стол содрогнулся. Красная линия между нами выгнулась, словно натянутая струна.

Мастер Вейр выхватил осколок щипцами.

Из гнезда вырвался холод.

Не воздух. Пустота.

Свечи погасли одновременно.

За стенами крепости что-то загудело.

Звук пришёл с опозданием. Сначала дрогнул пол, потом закричали люди, и лишь затем до нас донёсся удар, похожий на далёкий гром.

Высокие окна потемнели.

За ними не осталось ночного неба.

Только молочно-серая пустота.

– Бледная буря! – крикнул кто-то.

По стенам побежали трещины. Серебряные линии гасли одна за другой.

Сероглазый мужчина развернулся и поднял правую руку.

На его ладони вспыхнул сложный красно-серебряный рисунок.

Воздух уплотнился.

Над столом сомкнулся прозрачный щит.

Следующий удар обрушился на зал.

Камень посыпался с потолка. Людей отбросило к стенам. Свидетель в белых перчатках упал на колени.

Мужчина наклонился надо мной, закрывая от осколков.

От него исходил жар. Не человеческий. Слишком сильный, почти болезненный.

Я увидела, как на его виске проступила серебристая линия, а зрачки вытянулись.

Дракон.

Мысль была безумной.

Но не более безумной, чем горящий круг, чужое тело и женщина, чья смерть оставила во мне последнее желание.

Щит трещал.

На ладони мужчины выступила кровь.

Он не опустил руку.

– Закрывать западный контур! – приказал он. – Всех лишних вывести. Вейр, к ней.

– Печать не разорвана, – отозвался мастер. – Она изменилась.

– Стабилизируйте.

– Я не понимаю, чем она стала.

Сероглазый посмотрел на меня.

В его лице не осталось сомнения. Только ярость человека, у которого из рук вырвали единственное понятное решение.

Каменный зал поплыл перед глазами.

Я попыталась спросить, где нахожусь, но язык не послушался.

Последним я почувствовала его пальцы на своём запястье.

На этот раз он не удерживал меня.

Проверял пульс.

– Что ты сделала с нашей брачной печатью, Лиора?

Глава 2. Жена предателя

Я проснулась от того, что кто-то считал мои вдохи.

– Двадцать семь, – произнёс незнакомый мужской голос. – Ровнее, чем час назад.

– Это ничего не доказывает, – ответил другой.

Его я узнала.

Холодный, низкий, привыкший превращать слова в приказы.

Что ты сделала с нашей брачной печатью, Лиора?

Я не открыла глаз.

Сначала проверила тело.

Голова тяжёлая. Во рту сухо. Правое запястье горело, но боль стала тупой и терпимой. Левая рука двигалась. Ноги тоже. В груди не было того разрывающего ощущения, с которым я умирала на дороге.

Умирала.

Память вернулась сразу, без милосердной паузы.

Дождь. Разбитая машина. Кровь на ладони. Человек в светлой куртке, которого успели вытащить.

Потом чужая усталость, красная стена и каменный стол.

Я медленно вдохнула.

Воздух пах сушёными травами, воском и нагретым камнем. Подо мной была не больничная койка. Матрас оказался слишком жёстким, простыня – плотной, слегка шершавой.

Голоса доносились справа.

Значит, слева могло находиться окно или дверь.

Я приоткрыла глаза.

Над головой белел низкий свод. По стыкам каменных плит тянулись тонкие серебряные линии. В отличие от ритуального зала они не горели, только мерцали при каждом моём вдохе.

Комната была небольшой.

Кровать стояла у стены. Слева находилось узкое окно с металлической решёткой, справа – дверь, возле которой застыл мужчина в тёмной военной одежде. На поясе у него висел меч. Широкое лицо, коротко стриженные русые волосы, неподвижный взгляд.

Охрана.

У стола рядом с кроватью сидел пожилой человек с мутным глазом. Мастер Вейр, если память не подвела. Именно он остановил свидетеля и нашёл мёртвое стекло.

У дальней стены стоял сероглазый дракон.

Райден.

Имя всплыло само, вместе с давлением в груди.

Тело узнало его раньше меня.

Тепло его ладони. Запах дыма и холодного ветра. Тяжесть молчания за закрытой дверью. Непрошенная надежда, от которой стало почти больнее, чем от повреждённого запястья.

Я оборвала ощущение.

Чужая память не являлась фактом. Тем более моим решением.

– Она очнулась, – сказал мужчина у двери.

Райден не шелохнулся.

– Я вижу, Марек.

В его голосе не было облегчения.

Мастер Вейр наклонился ко мне.

– Госпожа Лиора, вы меня слышите?

Я посмотрела на его руки. Без оружия. На среднем пальце правой руки серебряное кольцо с зелёным камнем. На столе лежали ножницы, несколько стеклянных сосудов и сложенные полосы ткани.

– Слышу.

Голос снова показался чужим.

Я подняла правую руку.

На коже вокруг запястья лежал тонкий светлый шрам. Под ним мерцала разорванная серебряная линия, оплетённая тусклым красным свечением.

Не татуировка.

Она двигалась.

Медленно стягивалась при вдохе и ослабевала при выдохе.

– Не касайтесь печати, – предупредил Вейр.

Я остановила пальцы в нескольких сантиметрах от кожи.

– Почему?

– Пока не установлено, как она изменилась.

– Вы обычно лечите людей, не объясняя им происходящее?

Мутный глаз мастера чуть сузился.

– Обычно мои пациенты помнят, что такое печать.

– Значит, сегодня у вас необычный случай.

За спиной Вейра раздалось едва слышное движение.

Райден оттолкнулся от стены.

– Что ты помнишь?

Он подошёл ближе, но остановился по другую сторону стола.

Правильная позиция. Между нами находился предмет, который замедлит его, если он решит снова схватить меня за руку.

– Последнее, что я помню, вы участвовали в процедуре, которая едва меня не убила.

– До неё.

– Машину.

Марек нахмурился.

Вейр не изменился в лице.

Райден смотрел на меня несколько секунд.

– Что такое машина?

Я не ответила.

Слишком рано.

Мне хотелось проверить лицо, голос, руки, одежду, понять, кому принадлежало тело и насколько убедительно я смогу изобразить потерю памяти. Вместо этого я лежала перед тремя мужчинами, двое из которых имели прямое отношение к моему заключению, а третий хотя бы признавал, что не всё понимает.

Откровенность в таких условиях была не честностью.

Она была добровольной передачей оружия.

Я отвела взгляд к окну.

За решёткой серело утро. Вдалеке поднималась чёрная каменная стена, по верхнему краю которой горели редкие красные огни. Небо над ней оставалось бледным, почти белым.

Красная стена.

Та самая, которую я увидела перед попаданием.

Рейнгард.

Название тоже возникло без приглашения.

– Где я? – спросила я.

– В крепости Рейнгард, – ответил Вейр.

Значит, телесная память могла подсказывать слова и названия. Полезно. Опасно. Она уже заставляла меня реагировать на Райдена как на человека, которого это тело знало слишком хорошо.

Я посмотрела на собственные руки.

Пальцы были длиннее, чем мои. Ногти аккуратно подстрижены. На левой ладони виднелась бледная серебряная черта, уходящая под рукав ночной рубашки.

Волосы лежали на груди тяжёлой тёмной волной.

Я взяла одну прядь.

Каштановая. При свете от окна в ней проступала медь.

Мои волосы были русыми и едва касались плеч.

Я провела языком по губам.

– Мне нужно зеркало.

Марек перевёл взгляд на Райдена.

Это движение сказало больше ответа.

Зеркало в комнате имелось, но решение принадлежало не мне.

– Принесите, – сказал Райден.

Марек вышел.

Я запомнила, что дверь не была заперта снаружи. По крайней мере, сейчас.

Вейр поднял с подноса чашку.

– Выпейте.

От жидкости пахло травами и горечью.

– Что это?

– Вода с солями и укрепляющим настоем. Он не затуманивает сознание.

– Почему вы уточнили последнее?

– После сильных обезболивающих нельзя подтверждать клятвы и принимать решения, требующие ясного согласия.

Хоть одно разумное правило в этом месте существовало.

Я взяла чашку левой рукой.

Пальцы дрогнули. Вейр не стал помогать без просьбы, только подвинул стол ближе.

Вода оказалась тёплой и терпкой. После нескольких глотков стало легче дышать.

Райден следил за каждым движением.

– Вы собираетесь стоять там всё время? – спросила я.

– Пока не получу ответы.

– Тогда вам потребуется удобное кресло.

Угол его рта едва заметно напрягся.

Не улыбка. Скорее непривычная реакция на то, что обвиняемая не торопилась оправдаться.

– В ритуальном зале ты назвала мёртвое стекло до того, как Вейр его исследовал.

– Я не называла.

– Ты сказала, что его не должно быть в круге.

– Потому что всё вокруг отражало свет, а оно его поглощало.

– Этого недостаточно.

– Для остановки опасной процедуры оказалось достаточно.

– Ты изменила печать.

– На основании чего вы сделали такой вывод?

Райден положил обе ладони на край стола.

На правой проступил красно-серебряный рисунок, тот самый, которым он удерживал щит.

– Шесть лет она отзывалась на мою силу одинаково. Ночью рисунок изменился.

– После того как в него встроили запрещённый материал?
– Мёртвое стекло извлекли.
– А последствия исчезли вместе с ним?
Он промолчал.
Я поставила чашку на стол и выровняла её по краю деревянного подноса.
Руки снова стали спокойнее.
– Вы утверждаете, что я что-то сделала. Мастер Вейр утверждает, что не понимает, что произошло. Кому из вас мне верить?
– Мне не нужна твоя вера.
– Прекрасно. Тогда покажите доказательства.
Его взгляд стал жёстче.
– Сначала ты ответишь на вопросы.
– Вы уже решили, что я виновата. Зачем тогда задаёте вопросы?
– Потому что не понимаю, чего ты добиваешься.
– На данный момент – воды, зеркала и объяснения, почему меня держали в ритуальном круге после ясного отказа.
Вейр опустил взгляд на свои записи.
Марек вернулся с небольшим овальным зеркалом в тёмной раме.
Он не подошёл к кровати, пока я сама не протянула руку.
Ещё один человек, который хотя бы не хватал меня без предупреждения.
Я взяла зеркало.
Из него на меня смотрела незнакомая женщина.
Сначала я увидела только глаза.
Зелёно-серые, слишком светлые на бледном лице. Под ними лежали тёмные тени. Скулы выступали резче, чем должны были, губы потрескались. Каштановые волосы спутались после ритуала.
Красивое лицо.
Не моё.
Я коснулась щеки.
Женщина в зеркале повторила движение.
Внутри ничего не дрогнуло. Не возникло мгновенного узнавания или волшебного принятия. Только холодная ясность.
Моё тело осталось на мокрой дороге.
Это принадлежало Лиоре.
Женщине, которая больше не держалась.
Я опустила зеркало, прежде чем мужчины заметили слишком многое.
– Сколько мне лет?
Вейр ответил первым:
– Тридцать один год.
На пять лет меньше.
Не подарок. Обстоятельство.
– Полное имя?
Райден произнёс его ровно:
– Лиора Меррат-Керн.
Двойная фамилия. Значит, вероятно, брак между значимыми семьями или родами.
– Ваше имя?
Он посмотрел на меня так, будто вопрос был частью игры.
– Райден Керн.
– Кем вы мне приходитесь, кроме человека, удерживавшего мою руку?

В комнате стало тихо.

Марек отвёл глаза. Вейр перестал писать.

– Я твой супруг, – сказал Райден.

Я не удивилась. Слово «наша» в его последней фразе уже обозначило связь. Но одно дело предполагать, другое – услышать.

Муж.

Холодный дракон с привычкой отдавать приказы.

Муж женщины, которую привязали к каменному столу для расторжения брака.

Оказаться обвинённой в неизвестном преступлении было неприятно. Узнать, что главный обвинитель ещё и мой супруг, оказалось местной формой гостеприимства.

– Брак расторгнут?

– Нет.

– Процедура должна была его расторгнуть?

– Да.

– По чьей инициативе?

На этот раз Райден выдержал короткую паузу.

– Моей.

Тело отреагировало раньше мысли.

В груди сжалось. Пальцы крепче обхватили раму зеркала. На мгновение перед глазами возник стол, накрытый на двоих, и закрытая дверь, за которой никто не появился.

Я положила зеркало на одеяло.

– Почему?

– Ты обвинена в огненной измене.

Слова прозвучали весомо, как официальный приговор.

Я посмотрела на Вейра.

– Что это означает?

– Предательство территориальной печати, – ответил он. – Передачу доступа, незаконное вмешательство в защитный контур или иное действие против безопасности земли.

– Какое именно действие вменяют мне?

Райден выпрямился.

– Ты передала врагу ключ от пограничного узла.

– Это доказано?

– На повреждённом узле обнаружен след твоей печати.

– Я спросила, доказано ли, что я передала ключ врагу.

– След подтверждён Палатой Свидетелей.

– Это подтверждает наличие следа. Не обстоятельства его появления.

Марек посмотрел на меня внимательнее.

Райден ответил не сразу.

– Ты имела доступ к узлу.

– Кто ещё его имел?

– Это закрытая информация.

– Тогда ваше утверждение невозможно проверить.

– Ты встречалась с иностранным посредником в обход стражи.

– Кто это подтвердил?

– Есть свидетельство.

– Чьё?

– Ты уничтожила письмо после встречи.

– Вы нашли уничтоженное письмо?

– Фрагмент.

Я убрала зеркало на стол.

– Итак, у вас есть след, происхождение которого вы считаете очевидным. Свидетельство неизвестного человека. Фрагмент неизвестного письма. Что ещё?

Его глаза сузились.

– Перевод через сольвейский банк.

– На моё имя?

– С использованием твоего личного ключа.

– Деньги поступили мне или были отправлены от меня?

В комнате снова возникла пауза.

– Были отправлены на счёт посредника.

– Сколько?

– Ты прекрасно знаешь.

– Нет. Не знаю.

Он обошёл стол и остановился ближе.

Слишком близко для человека, которому я не доверяла, но достаточно далеко, чтобы не касаться.

– Ты хочешь убедить меня, что потеряла память?

– Я хочу получить ответы.

– Лиора никогда не отвечала вопросом на вопрос.

Телесная память болезненно отозвалась на имя.

Тихий голос. Осторожные фразы. Ожидание, что муж сам заметит недосказанное.

Он не заметил.

– Возможно, поэтому вы так и не услышали ответы, – сказала я.

На ладони Райдена вспыхнула печать.

Красный свет быстро поднялся к запястью и погас.

Вейр встал.

– Господин Керн.

– Я контролирую силу.

– После ночной перегрузки вы не можете быть в этом уверены.

Райден не отвёл от меня взгляда, но сделал шаг назад.

Это было первое его действие, которое я могла записать в графу «способен остановиться после предупреждения».

Пока только после предупреждения другого мужчины.

– Процедура не должна была причинить тебе серьёзного вреда, – сказал он.

– Но причинила.

– Из-за мёртвого стекла.

– Которое оказалось в круге, контролируемом вашими людьми.

– Свидетель прибыл из Палаты.

– Значит, вы передали мою жизнь в руки человека, которого не контролировали.

– Разведение огня проводится независимым свидетелем.

– Независимость не означает отсутствие ответственности.

Вейр тихо кашлянул, но не вмешался.

Райден сложил руки за спиной.

– Ты дала согласие.

– Я отказалась.

– Перед началом ритуала ты подтвердила его трижды.

– Я отказалась после того, как пришла в сознание.

– Ты была в сознании до начала.

– Не я.

Слова вырвались слишком быстро.

Вейр поднял голову.

Марек перестал дышать на одно короткое мгновение.

Райден не изменился в лице, но воздух между нами стал плотнее.

– Объясни, – потребовал он.

Я посмотрела на дверь.

Открыта. Марек стоит рядом. До неё шесть шагов, которые я в нынешнем состоянии не пройду быстрее дракона.

– Я не помню подтверждения. Не помню вас. Не помню этот мир. Не знаю, что такое огненная измена, пока мне не объясняют. Поэтому не могу считать прежнее решение своим.

Это было правдой.

Не всей.

Но достаточной.

Вейр подошёл к кровати и взял меня за левое запястье только после короткого вопросительного взгляда. Я кивнула.

Его пальцы были прохладными.

Зелёный камень на кольце потеплел.

– Назовите день рождения, – попросил он.

– Не знаю.

– Имя матери?

– Не знаю.

– Имя отца?

Пустота.

Нет, не совсем.

Бумага. Серебряная книга. Мужская рука, исправляющая строку в документе. Тихий голос: «Форма защищает смысл, Лиора. Никогда не позволяй им поменять местами первое и второе».

Я закрыла глаза.

– Не знаю.

– Где вы родились?

– Не знаю.

– Как называется государство?

Слово всплыло вместе с очертаниями семи башен.

– Эйдорский Коронат.

Райден резко посмотрел на Вейра.

– Выборочная потеря памяти.

– Возможно, – ответил целитель. – Язык и базовые знания могут сохраняться в телесной памяти. Личные связи повреждены сильнее.

– Она узнаёт термины.

– Некоторые.

– И умеет спорить о доказательствах.

Я открыла глаза.

– Для этого магия не нужна.

Вейр отпустил мою руку.

– Её состояние нельзя считать притворством без дальнейшего исследования.

– Нельзя считать и доказанной потерей памяти.

– Я этого не утверждал.

Райден повернулся к окну.

Его плечи оставались неподвижными, но в правой руке несколько раз сжались пальцы.

– Печать? – спросил он.

– Стабильна только внешне. Внутри образовалась новая линия. Я не могу определить её назначение.

– Она влияет на щит?

– Уже повлияла.

Я приподнялась на локтях.

Комната качнулась. Вейр протянул руку, но остановился, когда я подняла ладонь.

– Как именно?

Райден повернулся ко мне.

– Во время ритуала Восточный щит потерял три узла.

– Из-за бури?

– Буря стала следствием повреждения.

– Вы уверены?

– Я удерживаю этот щит девятнадцать лет.

– Это отвечает на вопрос о вашем опыте, не о причине конкретного повреждения.

Он медленно подошёл к изножью кровати.

– Если печать не стабилизировать, нагрузка перейдёт на соседние башни.

– Когда?

– Первые разрушения могут начаться через несколько дней.

– Сколько людей это затронет?

– Сначала три пограничных поселения. Затем весь Восточный Предел.

Ответ прозвучал без театральности.

Он не пытался напугать меня. Просто сообщил масштаб.

Именно поэтому я поверила.

Не ему лично. Числам в его голосе.

– Что требуется от меня?

В глазах Райдена мелькнуло удовлетворение человека, который наконец услышал правильный вопрос.

Это мне не понравилось.

– Полная проверка печати. Доступ к воспоминаниям. Повторный опрос. Ты останешься в Рейнгарде и будешь выполнять распоряжения целителей.

– Нет.

Удовлетворение исчезло.

– Восточный щит зависит от этой связи.

– Тогда вам особенно важно не убить её носителя.

– Я не позволю провести новую процедуру без заключения Вейра.

– Вы уже позволили одну.

– Мёртвое стекло было неизвестным вмешательством.

– Неизвестным вам. Оно всё равно оказалось в круге.

Райден упёрся ладонями в спинку кровати.

– Чего ты хочешь?

– Письменный перечень обвинений и доказательств.

– Ты получишь его после опроса.

– До.

– Лиора.

– Не называйте меня так, словно имя заменяет объяснение.

Боль прошла правое запястье.

Серебряно-красная линия вспыхнула.

Одновременно печать на ладони Райдена ответила коротким светом.

Он отступил от кровати.

Вейр быстро положил пальцы на мою руку, не касаясь самого рисунка.

– Дышите ровно.

Я сделала вдох.

Металлический вкус появился во рту, затем исчез.

– Она реагирует на конфликт? – спросила я.

– На намерение, – ответил Вейр. – Возможно, на угрозу связи. Пока рано делать выводы.

– Я ей угрожал? – тихо спросил Райден.

– Вы пытались определить решение как уже принятое.

Целитель произнёс это спокойно, будто обсуждал температуру воды.

Марек опустил взгляд, скрывая реакцию.

Райден выпрямился.

– Хорошо. Ты получишь перечень обвинений.

– И копии доказательств.

– Нет.

– Тогда я не отвечу ни на один вопрос о прошлом.

– Ты не в положении диктовать условия.

Я посмотрела на светящуюся линию на запястье.

– Судя по состоянию вашего щита, именно в таком положении я и нахожусь.

Его лицо стало неподвижным.

Мне не требовалось знать местные титулы, чтобы понять, насколько редко ему отвечали подобным образом.

Райден заговорил тише:

– Ты обвинена в преступлении против Предела. До завершения проверки не покинешь западное крыло. Марек будет отвечать за охрану. Вейр проведёт обследование. Копии закрытых материалов останутся в архиве.

– Тогда разговор закончен.

– Нет.

– Для вас, возможно. Для меня – да.

Я легла обратно и закрыла глаза.

Это был риск.

В моём положении демонстративно прервать разговор с вооружённым правителем, способным превращаться в дракона, нельзя было назвать осторожным решением.

Но продолжать отвечать без понимания обвинения было хуже.

Несколько секунд никто не говорил.

Потом я услышала шаги Райдена.

Они остановились у двери.

– Марек, никто не входит без разрешения Вейра. Любые изменения печати докладывать немедленно.

– Да, господин.

– Письменное обвинение будет доставлено до полудня.

Я открыла глаза.

– С копиями доступных доказательств.

Райден посмотрел через плечо.

– С перечнем источников.

Не всё.

Но уже не отказ.

Он вышел.

Марек остался у двери. Вейр вернулся к столу и сделал запись.

– Он всегда так разговаривает? – спросила я.

– Нет.

– Успокаивает.

Вейр впервые едва заметно улыбнулся.

В дверном проёме появилась женщина.

Высокая, с серебристо-русыми волосами, собранными в тугую косу. На ней была тёмно-зелёная одежда целителя, поверх которой лежала серебряная застёжка в форме крыла над красной стеной.

Знак я уже видела на одежде Райдена.

Женщина не спросила разрешения войти.

Телесная память ударила так резко, что я сжала край простыни.

Чужая ладонь на плече Райдена.

Светлые волосы рядом с его лицом.

Пустое кресло справа от него.

Тихий смех за закрытой дверью.

Боль была не моей.

Но тело помнило унижение слишком хорошо.

Женщина остановилась у порога.

Её взгляд прошёл по моему лицу, запястью и смятой постели.

– Значит, она действительно очнулась.

– Госпожа Вельс, – сухо произнёс Вейр. – Я не приглашал вас на осмотр.

– Райден сообщил о нестабильности печати.

Не господин Керн.

Райден.

Она произнесла его имя с привычной уверенностью человека, которому не требовалось разрешение на близость.

Я посмотрела на застёжку дома Керн.

Потом на неё.

– Кто вы?

Вопрос заставил женщину замолчать.

Всего на мгновение.

– Кассия Вельс. Военная целительница Восточного Предела.

Она подошла ближе.

Я не отвела взгляда от застёжки.

– И какое положение вы занимаете в доме моего супруга?

В комнате стало тихо.

Кассия посмотрела на меня уже не как на пациентку.

На соперницу.

Тело снова отозвалось болью, но на этот раз я была готова.

Я отпустила простыню.

Мне не нужен был чужой муж.

Зато мне были нужны факты.

И судя по лицу Кассии Вельс, один из них стоял прямо передо мной.

Глава 3. Мои условия

Кассия Вельс ответила не сразу.

Её взгляд скользнул к Мареку, задержался на мастере Вейре и только потом вернулся ко мне. Она явно рассчитывала, что кто-нибудь избавит её от необходимости объяснять очевидное.

Никто не помог.

– Я отвечаю за военную лечебницу и восстановление повреждённых жил Восточного Предела.

– Это должность, – сказала я. – Я спросила о вашем положении в доме Керн.

Пальцы Кассии коснулись серебряной застёжки.

Крыло над красной стеной.

Знак Райдена.

– Госпожа Лиора пережила тяжёлое повреждение печати, – произнесла она, обращаясь к Вейру. – Подобные вопросы лучше отложить.

– Госпожа Лиора находится в сознании, – спокойно ответил он. – И сама определит, какие вопросы для неё важны.

Кассия сжала губы.

– Я давний союзник дома Керн.

– Насколько давний?

– Мы вместе служили во время Восточной войны.

– Вы и Райден?

Имя далось легко. Тело знало его слишком хорошо.

Кассия это заметила.

– Да.

– Он сообщил вам о моём состоянии лично?

– Хранитель обязан знать, что происходит с территориальной печатью.

– Это не ответ.

Серебряная застёжка блеснула, когда Кассия выпрямилась.

– Райден сообщил мне, что вы очнулись и печать нестабильна. Я пришла как целитель.

– Без приглашения человека, который проводит осмотр.

Она перевела взгляд на Вейра.

– Я не нуждаюсь в его разрешении, чтобы войти в лечебную комнату дома Керн.

– Но, вероятно, нуждаетесь в разрешении пациентки.

Марек переступил с ноги на ногу.

Не вмешался. Только посмотрел на дверь, словно заранее оценивал, кого придётся вывести.

Кассия приблизилась ещё на шаг.

– Вы едва не разрушили Восточный щит.

– Это установлено?

– Ваша печать изменилась во время ритуала.

– В который кто-то встроил мёртвое стекло.

– Вы знали, где оно находится.

– Я его увидела.

– Другие не увидели.

– Это делает меня наблюдательной, а не виновной.

Она посмотрела на моё запястье. Не с любопытством. Скорее так оценивают рану, которую придётся вскрывать.

– Позвольте проверить связь.

– Нет.

Кассия замерла.

– Я не собираюсь причинять вам боль.

– В прошлый раз мне тоже сказали, что процедура безопасна.

– Я не участвовала в разведении огня.

Телесная память отозвалась мгновенно.

Кассия у закрытой двери. Её голос в коридоре. Руки Лиоры, сжимающие край подоконника. Чужая уверенность: если позвать Райдена ещё раз, он всё-таки придёт.

Он не пришёл.

Я выдохнула.

– Но знали о нём.

– Разумеется.

– Поддерживали?

Кассия отвела взгляд первой.

Ненадолго.

– Я считала расторжение необходимым.

– Для печати или для вас?

– Достаточно, – сказал Вейр.

Он говорил негромко, однако Кассия остановилась.

– Вы пришли без моего вызова, нарушили покой пациентки и пытаетесь проводить осмотр после прямого отказа. Покиньте комнату.

– Эран.

– Госпожа Вельс.

Они смотрели друг на друга несколько секунд.

Потом Кассия поправила край рукава.

– Я сообщу Райдену, что вы препятствуете независимой оценке.

– Сообщите также, что пациентка находится в ясном сознании и отказалась от вашего участия.

Кассия повернулась ко мне.

– Вы не понимаете, что поставлено на карту.

– Поэтому я задаю вопросы.

– Раньше вы предпочитали молчать.

– Судя по результату, это было ошибкой.

Что-то изменилось в её лице.

Не страх. Не совсем.

Она впервые посмотрела на меня не как на больную женщину или соперницу, а как на неизвестную величину.

– Лиора никогда не говорила со мной так.

– Значит, вам придётся привыкать.

Кассия вышла.

Серебряное крыло на её застёжке исчезло за дверью последним.

Я медленно разжала пальцы.

На ладони остались красные следы от ногтей.

– Кто дал ей право носить знак дома Керн? – спросила я.

Вейр убирал сосуды в деревянный футляр.

– Это вопрос не ко мне.

– Но вы знаете ответ.

– Я знаю несколько версий.

– Факт?

Он защёлкнул футляр.

– Господин Керн вручил ей знак после Восточной войны.

– За службу?

– Официально.

– А неофициально?

Мастер посмотрел на меня здоровым глазом.

– Я целитель, госпожа Лиора. Не придворный летописец.

– Удобная специализация.

– Иногда.

Он проверил мою печать ещё раз, не прикасаясь к коже.

– Вы сможете встать через час. До вечера вам следует избегать лестниц, сильной магии и длительных разговоров.

– Последнее звучит как просьба избавить вас от работы.

– Как медицинская рекомендация, которую вы проигнорируете.

В этом он был прав.

В западное крыло меня отвели двое стражников.

Марек шёл справа, на полшага впереди. Второй мужчина держался сзади. Не сопровождение. Конвой, которому дали более вежливое название.

Рейнгард оказался крепостью, выстроенной людьми, не верившими в случайность.

Коридоры имели узкие окна и несколько поворотов между лестницами. У каждой двери находилась металлическая пластина с рунами. В нишах горели красные светильники, но между ними оставались участки тени, достаточные, чтобы спрятать человека.

Я отмечала:

пять поворотов;

две лестницы;

один закрытый переход;

четверых вооружённых стражников;

ни одной открытой двери наружу.

Под ногами ощущался ровный гул.

Не звук. Давление, которое передавалось через камень и отзывалось в повреждённом запястье.

Магическая жила.

Я не знала, откуда взялось слово, но тело отреагировало на него уверенностью привычного знания.

– Как далеко мы от лечебной комнаты? – спросила я.

– Западное крыло соединено с ней внутренней галереей, – ответил Марек.

– В минутах.

Он посмотрел на меня.

– Пять, если идти обычным шагом.

– До ближайшего выхода из крепости?

– Вам запрещено покидать крыло.

– Я спросила о расстоянии.

– Ответ не имеет значения.

– Для вас, возможно.

Марек промолчал.

В конце следующего коридора находилась дверь из тёмного дерева. На ней не было родового знака, только тонкая серебряная линия вокруг замка.

Марек коснулся пластины у стены.

Руна вспыхнула и погасла.

Дверь открылась.

– Ваши комнаты.

Я вошла.

Первая комната была гостиной. Небольшой, холодной и почти пустой.

Стол. Два кресла. Узкий диван. Камин без огня. На стенах виднелись светлые прямоугольники, оставшиеся после снятых картин или тканевых панно.

Слишком много следов отсутствия.

В спальне стояла кровать с тёмным пологом. Один шкаф оказался пуст. Во втором висели четыре простых платья, одинаково тёмных и закрытых. Полки для обуви были заполнены наполовину.

На туалетном столике остался круглый след от шкатулки.

Я выдвинула первый ящик.

Пусто.

Второй.

Пусто.

В третьем лежали несколько шпилек, кусок ленты и сломанная застёжка. Серебряное крыло было переломлено у основания.

Я взяла украшение.

Правое запястье обожгло.

Перед глазами мелькнули красные ткани, которые снимали со стены. Женские руки складывали их молча. За спиной кто-то сказал: «По приказу госпожи Эстеры».

Видение исчезло.

Я положила застёжку обратно.

– Кто забрал вещи?

Марек стоял у двери спальни.

– Часть перенесли на хранение после отстранения.

– По чьему приказу?

– Родового совета.

– Деньги?

– Личные счета заморожены до завершения расследования.

– Украшения?

– Опечатаны.

– Документы?

– Переданы в архив.

– Одежду дома Керн тоже передали в архив?

– Родовые цвета сняты решением совета.

Я подошла к шкафу и провела пальцами по краям полок.

На древесине остались свежие царапины. Ящики вынимали торопливо, возможно, силой. На полу у стены темнела длинная отметина, словно тяжёлый сундук протащили к двери.

– Когда меня сюда переселили?

– Девятнадцать дней назад.

– Я сопротивлялась?

Марек не ответил.

– Капитан.

Он впервые назвал должность не сам. Значит, телесная память снова подсказала.

– Вы отказались покидать прежние покои до письменного решения совета.

– И?

– Решение доставили.

– После чего я ушла добровольно?

Пауза затянулась.

– Вам помогли.

Я посмотрела на дверь.

На внутренней стороне, возле ручки, виднелись четыре параллельные царапины. Слишком высоко для обуви. Слишком ровно для случайного повреждения.

Лиора держалась за дерево.

Её отрывали.

– Кто?

Марек встретил мой взгляд.

– Я исполнял приказ.

– Это не ответ на вопрос о том, кто именно применил силу.

– Я.

Он произнёс коротко, без попытки смягчить.

– Вы были вооружены?

– Да.

– Я?

– Нет.

– Угрожала вам?

– Нет.

– Пыталась ударить?

– Нет.

– Тогда чем вы объяснили необходимость?

– Вы отказывались выполнить решение совета.

– Решение позволяло применять силу?

– Оно предписывало освободить супружеские покои.

– Я спросила не об этом.

Марек сжал челюсть.

– Отдельного разрешения на применение силы не было.

Хорошо.

Не поступок. Ответ.

Он хотя бы не стал прятаться за формулировкой до конца.

– Кто контролирует вход в эти комнаты?

– Внутренняя стража.

– У кого есть ключ?

– У меня, господина Керна, госпожи Эстеры и старшей распорядительницы.

– Изнутри дверь запирается?

– Да.

– Вы можете открыть её снаружи?

– При угрозе жизни.

– Кто определяет наличие угрозы?

– Я или целитель.

– Значит, фактически вы можете войти в любой момент, заявив, что считали ситуацию опасной.

– Я не злоупотребляю полномочиями.

– Каждый человек, наделённый слишком широкими полномочиями, говорит именно это.

Марек нахмурился, но промолчал.

Я вернулась в гостиную.

На столе лежала тонкая папка, перевязанная чёрным шнуром.

Письменное обвинение.

Райден сдержал обещание частично.

Я села так, чтобы видеть дверь, и развязала шнур.

На первой странице стояло полное имя:

Лиора Меррат-Керн.

Ниже перечислялись титулы, которых меня временно лишили:

первый хранитель Восточного Предела;

представитель дома Меррат при совете Кернов;

супруга главы дома с правом доступа к территориальному архиву.

Потом шли обвинения.

Незаконное открытие западного архива.

Несанкционированный выход из крепости.

Тайная встреча с представителем сольвейской стороны.

Передача ключа от пограничного узла.

Уничтожение документа.

Перевод средств.

Соккрытие повреждения печати.

Последний пункт был подчёркнут.

Копий доказательств не приложили.

Вместо них указали номера архивных записей и названия свидетелей, часть которых заменили должностями.

«Сотрудник дорожной службы».

«Представитель Палаты».

«Военный целитель».

Кассия?

Я вернулась к строке.

Заключение о магическом истощении обвиняемой и нестабильности её доступа было подготовлено военной лечебницей.

Её лечебницей.

На полях рядом с пунктом о расторжении брака стоял знак ускоренной процедуры.

Я не знала местных правил, но тело отреагировало холодом.

Лиора знала этот символ.

И боялась его.

Я перевернула последнюю страницу.

Имущество временно передано под контроль дома Керн.

Личные счета заморожены.

Переписка проверяется.

Передвижение ограничено западным крылом.

Контакты с домом Меррат проводятся только через родовой совет.

Она была женой главы дома, но за девятнадцать дней её лишили денег, одежды, документов, связи с семьёй и права выйти из нескольких комнат.

До суда.

– Решение о заморозке средств подписал Райден? – спросила я.

– Господин Керн и трое членов совета, – ответил Марек.

– Кто ещё?

– Госпожа Эстера. Господин Тейр. Управляющий казной.

Я закрыла папку.

Данные были неполными, но картина уже складывалась.

Лиору не просто обвинили.

Её изолировали так, чтобы она не могла защищаться.

В дверь постучали.

Марек открыл после короткой проверки.

В комнату вошла женщина лет шестидесяти с подносом в руках.

Седые волосы были собраны на затылке. Тёмное платье без украшений. На поясе висела связка ключей и небольшие ножницы в кожаном чехле.

Она увидела меня за столом и остановилась.

Поднос качнулся.

Чашка звякнула о блюдце.

– Госпожа Лиора.

Телесная память не принесла боли.

Только тепло кухни, запах яблок и руки, распутывающие сложную причёску.

– Вы Майра?

Имя пришло само.

Женщина побледнела.

– Да.

Она поставила поднос и посмотрела на Марека.

– Капитан, госпоже нужно переодеться.

– Я останусь за дверью.

– Вы останетесь в коридоре за второй дверью.

– У меня приказ.

– А у госпожи нет привычки переодеваться перед вооружёнными мужчинами.

– Майра, – начал он.

– Капитан.

Они смотрели друг на друга с усталостью людей, которые спорили об этом раньше.

Марек уступил.

– Дверь останется незапертой.

– Останется закрытой.

Он вышел.

Майра закрыла дверь и повернула ключ.

Затем подошла ко мне.

Долго смотрела в лицо.

– Вы похудели.

– Вероятно.

– Голос другой.

Я взяла чашку. Травяной чай пах мятой и чем-то горьким.

– После ночи на каменном столе это не удивительно.

– Походка тоже будет другой?

– Я сегодня ещё не успела её оценить.

Майра не улыбнулась.

Она открыла шкаф и достала серое платье.

– Остальное забрали.

– Я заметила.

– Я пыталась сохранить хотя бы личное.

– Не получилось?

– Мне позволили оставить то, что не имеет ценности.

В её голосе слышалось другое мнение о ценности вещей.

Она положила платье на кровать и достала бельё, чулки, мягкие туфли.

– У меня есть деньги?

- Не здесь.
- Где?
- Майра посмотрела на закрытую дверь.
- Официально всё опечатано.
- Неофициально?
- Вы задали слишком много вопросов человеку, которого едва узнаете.
- А вы слишком внимательно следите за моими ответами.
- Она поправила край покрывала.
- Я служила вам с шестнадцати лет.
- Мне или Лиоре?
- Её руки остановились.
- Я тоже замерла.
- Слишком прямой вопрос.
- Слишком ранний.
- Но отступить было поздно.
- Майра медленно повернулась.
- Вы и есть Лиора.
- Тогда почему вы смотрите так, словно проверяете?
- Потому что девятнадцать дней назад госпожа Лиора плакала, если думала, что никто не видит. Сегодня вы заставили Кассию Вельс выйти из комнаты.
- Возможно, мне надоело плакать.
- Возможно.
- Она не поверила.
- И не стала спорить.
- Помогите мне одеться, – сказала я. – Потом расскажете, кто забрал личные документы.
- Вы хотите снова открыть расследование?
- Оно когда-то закрывалось?
- Майра затянула шнуровку на платье.
- Для всех, кроме вас.
- Тогда продолжим.
- Господин Керн не позволит.
- Это его постоянная черта?
- Какая?
- Не позволять женщинам делать то, что они уже делают.
- На этот раз Майра всё-таки улыбнулась.
- Очень коротко.
- Марек сообщил о запрете, когда я вышла в коридор.
- Вам предписано оставаться в комнатах до нового распоряжения.
- В обвинении указано западное крыло.
- После ночного происшествия приказ изменён.
- Покажите.
- Что?
- Письменный приказ.
- Распоряжение передано устно.
- Кем?
- Господином Керном.
- Тогда передайте господину Керну, что я требую встречи.
- Вы должны отдыхать.
- Это рекомендация Вейра. Не приказ.

- Совет соберётся вечером.
- Я не просила назначить встречу на удобное совету время.
- Марек выдержал мой взгляд.
- Он удерживает Восточный щит после ночной бури.
- Тем более ему следует знать, какие условия необходимы для моего участия.
- Участия в чём?
- В спасении его щита.

Марек ушёл.

Вернулся через четверть часа.

- Малая комната совета. Через час.

- Кто будет присутствовать?

Он перечислил:

- Господин Керн. Госпожа Эстера. Господин Тейр. Мастер Вейр. Я.

- Независимый свидетель?

- Нет.

- Почему?

- Это внутренняя встреча дома.

- Обсуждать будут моё тело, печать и права.

- Вы сможете изложить требования.

- Изложить и зафиксировать – не одно и то же.

- Свидетеля пригласят для договора, если совет решит его заключить.

Если совет решит.

- Передайте, что я приду.

Майра помогла собрать волосы в простую косу. Я отказалась от украшений.

На туалетном столике лежала сломанная застёжка Кернов.

Я оставила её там.

Малая комната совета располагалась в конце западной галереи.

Окна выходили на внутренний двор. За стеклом ветер гнал по камню серую пыль. На стенах висели карты с красными отметками. В центре стоял овальный стол.

Райден находился у дальней стены.

Он сменил одежду, но не выглядел отдохнувшим. На висках серебрились новые пряди. Правая рука была в чёрной перчатке, скрывающей печать.

Рядом сидела женщина, приказавшая продолжать ритуал.

Эстера Керн.

Сейчас я могла рассмотреть её лучше. Высокая, сухощавая, с почти прямыми чёрными волосами, в которых серебра было больше, чем тёмного цвета. На ней не было ни одного лишнего украшения.

Напротив расположился пожилой мужчина с доброжелательным лицом и тяжёлым перстнем.

Тейр Керн.

Он поднялся при моём появлении.

- Лиора. Рад видеть вас в сознании.

- Удивительно, учитывая обстоятельства.

Тейр сохранил улыбку.

- Ночь была тяжёлой для всех.

- Не все лежали внутри повреждённого ритуального круга.

Я выбрала кресло, откуда видела дверь и каждого участника.

Марек встал у стены. Вейр сел ближе ко мне, но не слишком близко.

Райден остался стоять.

- Марек передал, что у тебя есть условия.
- Сначала вопрос. Кто из присутствующих несёт ответственность за ускоренное разведение огня?
- Тейр сложил руки на столе.
- Решение принял родовой совет.
- Я спросила не о коллективном органе. Кто предложил процедуру?
- Это не имеет значения, – сказала Эстера.
- Для человека, который едва не погиб, имеет.
- Процедура соответствовала Пепельному праву.
- Мёртвое стекло тоже?
- Её взгляд стал холоднее.
- Его происхождение расследуется.
- Значит, процедура не соответствовала условиям безопасности.
- Никто не мог предвидеть вмешательство.
- Тогда никто не имел права утверждать, что процедура безопасна.
- Тейр поднял ладонь.
- Госпожа Лиора, сейчас важнее восстановить печать. Вейр подтверждает, что промедление опасно.
- Я подтверждаю нестабильность, – поправил Эран. – Не необходимость немедленного вмешательства.
- Восточный щит теряет узлы, – сказал Райден.
- Сколько времени? – спросила я.
- По текущим расчётам, от трёх до пяти дней до первой серьёзной перегрузки.
- Что вы предлагаете?
- Тейр ответил прежде него:
- Повторное разведение огня под контролем двух целителей. Мёртвое стекло исключено.
- Контур проверяют заранее.
- Нет.
- Его улыбка стала тоньше.
- Вы не выслушали условия.
- Условия процедуры, которая может меня убить, не изменят моего отказа.
- Отказ ставит под угрозу тысячи людей.
- Мастер Вейр, повторная процедура безопасна?
- Эран не посмотрел на совет.
- Нет.
- Какова вероятность смерти?
- Я не могу рассчитать её.
- Вероятность повреждения памяти?
- Высокая.
- Потери способности управлять телом?
- Возможна.
- Полного разрушения печати?
- Возможна.
- Тогда это не лечение. Это попытка устранить проблему вместе с носителем.
- Тейр нахмурился.
- Вы говорите так, словно дом Керн желает вашей смерти.
- Желание не имеет значения. Имеет значение риск, который вы готовы принять за меня.
- Райден подошёл к столу.
- Я не разрешу повторную процедуру без подтверждения Вейра.

- Уже лучше.
- Но проверка печати необходима.
- Согласна.
- Эстера резко повернулась ко мне.
- Вы согласны?
- На проверку. Не на вмешательство. Между этими действиями есть разница.
- Раньше вы не проявляли подобной осторожности.
- Раньше я согласилась на процедуру, после которой очнулась с чужим согласием и мёртвым стеклом в круге.
- Райден смотрел на меня неподвижно.
- Я продолжила:
- Мои условия.
- Тейр откинулся на спинку кресла.
- Мы слушаем.
- Первое. Независимое медицинское наблюдение. Мастер Вейр остаётся основным целителем. Любой второй специалист допускается только после моего согласия.
- Эстера сжала пальцы на подлокотнике.
- Вы не можете отстранить госпожу Вельс от территориальной печати.
- От печати, возможно. От моего тела – могу.
- Эран едва заметно кивнул.
- Второе. Никаких ритуалов, препаратов, магии памяти или работы с душой без моего непосредственного согласия перед началом. Не прежнего. Не записанного кем-то другим. Моего текущего согласия.
- Это уже предусмотрено правом, – сказал Тейр.
- Ночная процедура доказала обратное.
- Он не ответил.
- Третье. Отдельные покои с замком, который нельзя открыть снаружи без подтверждённой угрозы жизни. В случае входа без разрешения составляется письменная запись.
- Вы находитесь под обвинением, – напомнила Эстера.
- И пока не осуждена.
- Вы можете уничтожить доказательства.
- Все мои документы уже изъяты. Даже одежду сочли доказательством или угрозой.
- Родовые цвета не принадлежат вам после отстранения.
- Брак не расторгнут.
- Эстера побледнела едва заметно.
- Вы пытаетесь вернуть положение супруги?
- Нет. Я указываю на противоречие. Когда вам нужен доступ к моей печати, я супруга и первый хранитель. Когда речь идёт о правах, я отстранённая обвиняемая. Выберите одну формулировку и несите её последствия.
- В комнате стало тихо.
- Райден первым отвёл взгляд. Не от меня. К лежащей перед Тейром папке.
- Продолжайте, – сказал он.
- Официальное обращение.
- Не разрешение. Но уже не приказ замолчать.
- Четвёртое. Мне возвращают доступ к личным средствам либо предоставляют отдельную сумму, которой я распоряжаюсь без разрешения совета.
- Средства могли использоваться для оплаты предательства, – сказал Тейр.
- Тогда установите лимит и фиксируйте расходы. Полное лишение денег мешает мне нанять защитника, независимого свидетеля или отправить письмо.

- Именно поэтому средства заморожены, – произнесла Эстера.
- Я посмотрела на неё.
- Благодарю за честность.
- Она поняла ошибку.
- Райден тоже.
- Пятое. Я выбираю личную охрану из предложенных кандидатур. Охрана защищает меня, а не только следит, чтобы я не ушла.
- Марек выпрямился у стены.
- Вы не доверяете капитану Дарну? – спросил Райден.
- Он применил ко мне силу без отдельного разрешения.
- Райден резко посмотрел на Марека.
- Тот не отвёл глаз.
- Исполнял решение совета, – сказал Тейр.
- Решение предписывало освободить комнаты. Не разрешало вытаскивать безоружную женщину за руки.
- Она отказывалась выйти.
- Отказ не создаёт отсутствующее полномочие.
- Марек произнёс:
- Госпожа права. Отдельного приказа не было.
- Эстера повернулась к нему.
- Капитан.
- Я отвечаю на прямой вопрос.
- Мне понравился этот ответ больше, чем сам Марек.
- Шестое. Полный письменный перечень обвинений, копии доступных доказательств и право знакомиться с закрытыми материалами под наблюдением.
- Райден ответил сразу:
- Полного доступа к архиву не будет.
- Почему?
- В нём находятся узлы, к которым ты могла получить незаконный доступ.
- Тогда выделите отдельную комнату. Принесите документы туда. Сделайте копии. Поставьте охрану. Но я не стану защищаться от доказательств, которых не вижу.
- Часть материалов содержит устройство Восточного щита.
- Закройте соответствующие фрагменты, если они не относятся к обвинению.
- Невозможно отделить одно от другого.
- Тогда присутствуйте при изучении лично.
- Он замолчал.
- Я продолжила:
- Седьмое. Я участвую в проверке повреждённой печати и получаю письменное заключение каждого специалиста.
- Вы не магистрат, – сказал Тейр.
- Зато это моя рука.
- Печать принадлежит дому Керн.
- Территориальная часть. Личная и брачная связаны со мной. Или вы считаете, что дом владеет моим телом?
- Тейр не ответил.
- Восьмое. Никто не касается меня без предупреждения, кроме ситуации непосредственной угрозы жизни. Никто не входит в мои комнаты без стука и разрешения. Никаких требований супружеской близости, доступа к памяти или проверки состояния через брачную печать.
- Райден стал ещё неподвижнее.

Эстера произнесла:

- Вы превращаете рабочую необходимость в оскорбление дома.
- Рабочая необходимость не требует входить в спальню без разрешения.
- Вы законная супруга главы Кернов.
- Это не даёт ему права на моё тело.
- Я не предъявлял подобных требований, – тихо сказал Райден.
- Тогда пункт не создаст для вас затруднений.

Наши взгляды встретились.

На несколько секунд в комнате исчезли все остальные.

Тело снова узнало его.

Не желание. Привычку ждать.

Оно знало, как Райден молчит перед окончательным решением. Как едва заметно напрягается линия его рта. Как он прячет правую руку, если печать выдаёт больше, чем он намерен показать.

Я не знала его.

Но могла научиться читать.

– Последнее, – сказала я. – Все ограничения имеют срок. Не «до выяснения обстоятельств» и не «пока дом считает необходимым». Конкретную дату пересмотра. Конкретных ответственных. Возможность обратиться к независимому судье.

Тейр улыбнулся без тепла.

– Вы перечислили права свободного участника договора. Но вы обвиняемая в огненной измене.

- Обвиняемая. Не осуждённая.
- Магический след подтверждён.
- Тогда вам нечего бояться проверки.

Эстера встала.

– Довольно.

Она обошла стол и остановилась напротив меня.

– Вы требуете деньги, охрану, доступ к архиву и право вмешиваться в работу печати. Это не защита. Это попытка вернуть власть, которой вы были лишены за предательство.

Я тоже поднялась.

Ноги ещё дрожали после ритуала, но сидеть, пока она стояла надо мной, я не собиралась.

– Я требую не власти.

– Именно её.

– Нет. Я требую минимальных прав живого человека, которого вы уже попытались лишить имени, средств и возможности защищаться.

На щеке Эстеры дрогнула мышца.

– Вы по-прежнему носите имя Керн.

– Когда это удобно дому.

– Вы забываетесь.

– Возможно. Мне сообщили, что у меня повреждена память.

Вейр опустил голову, скрывая выражение лица.

Эстера повернулась к сыну.

– Райден, эту встречу следует закончить.

Он смотрел не на неё.

На меня.

- Вы готовы сотрудничать при этих условиях?
- При письменном договоре.
- Даже если проверка покажет вашу вину?

– Проверка должна устанавливать факты, а не подтверждать ваш вывод.

– Вы позволите Вейру исследовать печать?

– Да. После объяснения каждого действия и с правом остановить.

– Допустите второго специалиста?

– После ознакомления с его заключениями и при моём согласии.

– Будете отвечать на вопросы?

– После получения материалов.

Тейр медленно поднялся.

– Дом не может вести переговоры под давлением повреждённой печати.

– Давление создаёт не печать. Его создаёт срок до разрушения щита.

– Вы используете угрозу жителям.

– Я сообщаю о ней вслух. Использовать её пытались вы, когда предложили мне рискнуть жизнью ради удобного решения.

Райден снял правую перчатку.

Красно-серебряный рисунок на ладони был тусклым. У основания большого пальца темнела тонкая трещина, которой я не видела прежде.

– Три дня, – сказал он. – Временный договор на три дня с автоматическим пересмотром после первой проверки.

– Пять.

– Четыре.

– Четыре с возможностью продления по письменному заключению Вейра.

– Согласен.

Эстера резко вдохнула.

Тейр перестал улыбаться.

Райден продолжил:

– Личные средства будут открыты в ограниченном объёме. Охрану возглавит Марек, но вы сможете выбрать второго человека из внутренней стражи. Доступ к архиву только под наблюдением.

– Копии материалов остаются у меня.

– В защищённой комнате.

– С перечнем всего, что мне не предоставили.

– Да.

– Любое изъятие фиксируется.

– Да.

– Независимый свидетель участвует в составлении договора.

– Да.

Каждый ответ давался ему труднее предыдущего.

Не потому, что условия были невыполнимы.

Потому что он отдавал часть контроля.

– Отдельные покои, – напомнила я.

– Эти комнаты отдельные.

– С замком, который капитан не откроет по собственному решению.

– При угрозе жизни он войдёт.

– При подтверждённой угрозе. Не при подозрении, что я думаю неправильно.

– Вейр определит медицинские основания.

– Письменно.

– Письменно.

– И никто не касается меня без предупреждения.

Райден опустил взгляд на моё запястье.

– Если печать начнёт разрушаться, времени на разрешение может не быть.
– При непосредственной угрозе жизни действуйте. Во всех остальных случаях спросите.

Он поднял глаза.

– Хорошо.

Одно слово.

Но впервые оно прозвучало не как уступка опасной обвиняемой.

Как принятая обязанность.

– Договор подготовят к утру, – сказал Райден.

– Сегодня.

– Свидетеля нужно вызвать из нижней крепости.

– Тогда вызовите.

– Вы едва стоите.

– Это моя проблема.

– Нет. Пока ваша печать связана с Пределом, это проблема всего дома.

– Вот поэтому договор нужен сегодня.

Несколько секунд мы смотрели друг на друга.

Потом Райден надел перчатку.

– До заката.

– Принимается.

Тейр собрал бумаги.

– Совет ещё не голосовал.

– Это распоряжение главы дома, – сказал Райден.

– Родовой совет имеет право возражать.

– Возражение внесёте в запись.

Эстера посмотрела на сына так, будто он только что отдал часть крепости врагу.

Возможно, в её представлении так и было.

Я направилась к двери.

Ноги стали ватными на третьем шаге.

Марек двинулся ко мне, но остановился, прежде чем коснуться.

– Помощь нужна?

Не схватил.

Спросил.

– До двери.

Он предложил руку.

Я оперлась на предплечье, а не на ладонь.

Мелочь.

Но сегодня я собирала именно их.

В коридоре было прохладнее. Я отпустила Марека и сделала несколько самостоятельных шагов.

У окна стояла женщина в короткой военной куртке.

Тёмные волосы были собраны высоко, на виске серебрился тонкий шрам. Она наблюдала за мной с интересом, который не пыталась скрыть.

На груди – знак Кернов.

Другой. Уже не серебряная застёжка Кассии, а тёмное крыло с тремя короткими линиями.

– Госпожа Лиора, – произнесла она.

Я остановилась.

Телесная память подсказала имя.

Нэрис.

Сестра Райдена.

– Вы подслушивали?

– Двери в малую комнату плохо удерживают громкие голоса.

– Я не повышала голос.

– Именно поэтому было слышно вас лучше остальных.

Она оттолкнулась от подоконника и подошла ближе.

Её взгляд задержался на простой косе, сером платье и моём лице.

– Что?

– Пытаюсь понять.

– Получается?

– Пока нет.

Марек открыл дверь в западную галерею.

Нэрис не двинулась с места.

Когда я проходила мимо, она сказала тихо, только для меня:

– Лиора никогда не разговаривала так.

Я остановилась.

Повернула голову.

– Возможно, раньше её никто не слушал.

Нэрис прищурилась.

В её взгляде исчезло любопытство.

Осталось подозрение.

Глава 4. Договор с драконом

К закату мне принесли договор.

Не копию. Не проект для предварительного чтения. Четыре листа плотной серой бумаги, прошитые серебряной нитью и уже снабжённые местами для печатей.

Райден умел выполнять обещания так, чтобы одновременно напомнить, кто здесь контролирует время.

Майра поставила на стол чайник, чашку и тарелку с тонко нарезанным мясом.

– Сначала поешьте.

– Сначала прочитаю.

– После ночного ритуала вы выпили чашку настоя и съели половину куска хлеба.

– Тогда мне не грозит переедание.

Она сдвинула тарелку ближе к документам.

– Бумага не убежит.

– Зато её могут заменить.

Майра посмотрела на прошитые листы.

– Раньше вы так не говорили.

Я подняла глаза.

Она не отступила и не попыталась смягчить вопрос.

За день я успела понять, что Майра редко говорила случайно.

– Раньше я слишком часто доверяла людям, которые приносили мне документы?

– Раньше вы проверяли печати. Не людей.

– И чем это закончилось?

Она поправила чайную ложку рядом с чашкой.

– Именно это я пытаюсь понять.

Я вернулась к договору.

Первый раздел определял срок: четыре дня с момента подтверждения.

Хорошо.

Второй устанавливал медицинское наблюдение мастера Эрана Вейра и позволял привлечь второго целителя только с моего согласия.

Тоже хорошо.

Третий возвращал ограниченный доступ к деньгам. Сумма не была указана.

Плохо.

Четвёртый разрешал изучать доказательства в защищённой архивной комнате под надзором представителя дома Керн.

Разумно, если представитель не получал права решать, какие страницы мне показывать.

Пятый запрещал любые ритуалы без добровольного согласия носителя повреждённой печати.

Я перечитала формулировку дважды.

Потом ещё раз.

«За исключением обстоятельств, представляющих непосредственную угрозу Восточному щиту».

Вот она.

Лазейка шириной с крепостные ворота.

– Кто принёс договор? – спросила я.

– Капитан Дарн.

– Он заходил?

– Остановился у двери. Я приняла бумаги.

– Кто ещё к ним прикасался?

– Не знаю.

Честный ответ.

Я провела пальцем над прошивкой, не касаясь серебряной нити.

Она едва заметно светилась.

На последней странице стояли имена участников:

Лиора Меррат-Керн.

Райден Керн.

Эран Вейр.

Независимый свидетель клятв.

Имя свидетеля пока отсутствовало.

– Майра, у Лиоры были свои письменные принадлежности?

Она посмотрела на пустой шкаф.

– Были.

– Их тоже забрали?

– Почти всё.

– Мне нужны бумага, чернила и две разные ручки.

– Зачем две?

– Одной я буду писать. Второй отмечать изменения, внесённые после того, как текст покинет эту комнату.

Майра задержалась у двери.

– Вы действительно ничего не помните?

Я не ответила сразу.

Вопрос был задан тихо, без свидетелей и давления. Но правдивый ответ пока оставался слишком опасным.

– Я помню достаточно, чтобы не подписывать этот договор в таком виде.

Она кивнула.

Не поверила.

Но принесла всё необходимое.

Я работала до тех пор, пока буквы не начали расплываться.

Правое запястье ныло. Несколько раз пальцы немели, и приходилось останавливаться, сжимать и разжимать ладонь.

Я внесла замечания на отдельный лист.

Первое: точная сумма доступных средств.

Второе: письменный перечень документов, которые мне показывают, и тех, в доступе к которым отказывают.

Третье: все копии остаются у меня в защищённом шкафу.

Четвёртое: медицинскую угрозу определяет Вейр.

Пятое: военную угрозу определяет Райден, но любое вмешательство в мою печать допускается только при одновременном письменном подтверждении целителя.

Шестое: договор нельзя менять без согласия обеих сторон и повторного подтверждения свидетеля.

Седьмое: действия, совершённые в чрезвычайной ситуации, фиксируются после устранения угрозы.

Восьмое: моё участие в расследовании не является признанием вины.

Последний пункт отсутствовал в проекте вовсе.

Невиновность удобно защищать только в теории. На практике каждую попытку человека разобраться в обвинении можно было представить как частичное признание его власти над преступлением.

В дверь постучали.

Три удара. Пауза.

– Войдите.

Марек открыл дверь, но остался на пороге.

– Свидетель прибыл. Господин Керн ожидает в архивной комнате.

– Договор читал?

– Не знаю.

– Тогда узнаем вместе.

Я поднялась.

Слабость напомнила о себе сразу. Пол качнулся, но я удержалась за край стола.

Марек шагнул вперёд и остановился.

– Помощь?

Он быстро учился.

– До лестницы.

Майра подала мне тёмную накидку.

– В архивном крыле холодно.

– Почему?

– Бумага лучше хранится.

– А люди?

– Люди жалуются реже.

Она застегнула накидку у горла.

Я взяла договор, замечания и свою ручку.

Вторую оставила на столе.

Если документы вернутся с изменениями, я это увижу.

Архивная комната находилась ближе, чем малая комната совета, но была защищена лучше.

Перед дверью стояли двое стражников. На каменной стене по обе стороны от входа мерцали серебряные печати. Когда я приблизилась, левая ладонь неожиданно потеплела.

Личная печать Мерратов отозвалась на архив.

Тело знало это место.

Помнило, как пальцы касались холодной пластины. Как замок открывался без звука. Как Лиора задерживалась здесь поздно вечером, потому что только среди документов чувствовала себя полезной не из-за брака.

Я остановилась.

– Что случилось? – спросил Марек.

– Ничего.

Память исчезла, оставив ощущение потери.

Марек приложил ладонь к внешней пластине. Одна из линий загорелась красным, но дверь не открылась.

Изнутри коснулись второй печати.

Замок щёлкнул.

Райден ждал у длинного стола.

На нём лежал второй экземпляр договора. Рядом находились чернильница, печатные кольца и плоский чёрный футляр.

Эран сидел у окна.

Напротив Райдена стоял молодой мужчина в тёмно-синей одежде Палаты Свидетелей. На вид ему было около двадцати пяти. Светлые волосы аккуратно убраны назад, на груди серебряный знак раскрытого круга.

Он поклонился.

- Госпожа Меррат-Керн. Я назначен независимым свидетелем временного соглашения.
- Кто вас назначил?
- Вопрос заставил его выпрямиться.
- Дежурный магистрат нижней крепости.
- Дом Керн выбирал кандидата?
- Нет.
- Вы раньше работали с господином Керном или членами его совета?
- Нет.
- Получали распоряжения от Палаты по делу об огненной измене?
- Только приказ подтвердить настоящий договор.
- Видели предыдущую запись разведения огня?
- Нет.
- Райден положил ладонь на стол.
- Допрос свидетеля не входит в соглашение.
- Его независимость входит.
- Молодой мужчина посмотрел на Райдена, затем снова на меня.
- Я готов ответить на вопросы, касающиеся моей роли.
- Хороший ответ.
- Не обещание абсолютной честности. Чёткая граница полномочий.
- Я положила свой экземпляр договора рядом со вторым.
- Они одинаковые?
- Должны быть, – ответил свидетель.
- Это предположение. Сравним.
- Райден посмотрел на четыре страницы, исписанные моими замечаниями.
- Вы переписали договор.
- Исправила неопределённые условия.
- Их составлял архивный юрист.
- Это не делает их определёнными.
- Я передала ему лист.
- Райден прочитал первый пункт. Потом второй.
- На четвёртом его лицо стало жёстче.
- Военную угрозу определяю я.
- Да.
- Но решение о вмешательстве должен подтвердить Вейр.
- Медицинскую допустимость вмешательства.
- Если щит начнёт рушиться, времени на письменное заключение не будет.
- Тогда мастер Вейр подтвердит его устно при свидетелях, а запись составят позже.
- Вы создаёте задержку.
- Я создаю препятствие для повторения ночного ритуала.
- Я уже сказал, что не позволю провести его повторно.
- А договор позволяет.
- Свидетель опустил взгляд к соответствующему разделу.
- Эран протянул руку.
- Покажите.
- Райден передал ему проект.
- Целитель быстро нашёл нужную строку.
- Формулировка слишком широкая.
- Она стандартна для территориальных соглашений, – сказал свидетель.
- Стандартная формулировка едва не убила пациентку меньше суток назад.

- Ночная процедура не имела отношения к этому договору.
- Именно поэтому договор должен учитывать её последствия.

Свидетель кивнул.

- Пункт можно уточнить.

Райден посмотрел на него.

- Вы должны подтверждать договор, а не вести переговоры.

– Я должен убедиться, что обе стороны одинаково понимают условия и соглашаются добровольно. Пока понимание различается.

Райден замолчал.

Ему явно не нравилось, когда люди выполняли свои обязанности не в том направлении, которое он считал полезным.

Но он не стал давить.

- Хорошо, – сказал он. – Внесите уточнение.

Свидетель сел за стол.

- Сначала необходимо согласовать все изменения.

Мы прошли договор построчно.

Сумму личных средств увеличили после того, как я потребовала указать, на какие расходы её должно хватить.

– Вам предоставят жильё, питание и одежду, – сказал Райден. – Значительная сумма не требуется.

- Мне нужен независимый юридический совет.

- Адвокат не получит доступ к закрытым сведениям.

- Он получит доступ к обвинению.

- Дом предоставит специалиста.

- Специалист, которого оплачивает обвиняющая сторона, не является независимым.

Свидетель поднял глаза.

- Право на приглашённого защитника предусмотрено обычным правом.

- Это дело рассматривается по Пепельному праву, – возразил Райден.

- Обвиняемая не лишается обычных гражданских прав до отдельного решения суда.

Райден сжал пальцы.

- Установите сумму, достаточную для оплаты консультации, – сказал он.

Я назвала вдвое больше той, которую считала разумной.

Он уменьшил её на четверть.

Я согласилась.

Это были первые деньги в новом мире, стоимость которых я не понимала, но сам процесс переговоров оставался знакомым.

С разделом об архиве оказалось сложнее.

Райден отказывался передавать мне копии схем Восточного щита.

Я не настаивала.

– Мне не нужны все схемы. Только те фрагменты, на которых обнаружен след моей печати.

- По ним можно восстановить расположение узла.

- Его уже знает человек, который повредил щит.

- Вы можете быть этим человеком.

– Тогда сокрытие схем не вернёт утраченное знание. Зато помешает мне указать на несоответствие.

- Вы не маг печатей.

- Лиора была первым хранителем.

Я произнесла имя осторожно.

Не «я».

Лиора.

Райден заметил.

Его взгляд задержался на мне, но он не спросил.

– Вы утверждаете, что не помните её знаний.

– Не всех. Поэтому мне нужны материалы, чтобы понять, что сохранилось.

Это было опасное признание, но не больше, чем уже знал Вейр.

Райден провёл большим пальцем по краю перчатки.

– Копии хранятся в этой комнате. Вы можете работать с ними при Марекке или другом назначенном стражнике.

– И делать письменные выписки.

– Без изображения полной схемы.

– С перечнем скрытых фрагментов.

– С перечнем.

Свидетель записал изменение.

Следующим был пункт о сроке.

Четыре дня с возможностью продления по заключению Вейра.

В проекте стояло: «по решению главы дома после консультации с целителем».

Я зачеркнула половину строки.

– Продление требует моего согласия.

– Если ваша печать останется нестабильной, вы не сможете просто отказаться от наблюдения, – сказал Райден.

– Смогу. Но отказ не означает право удерживать меня без судебного решения.

– Вы не покинете Рейнгард.

– Это не обсуждалось.

– Теперь обсуждается.

– Тогда внесите отдельный пункт и основание.

– Основание – угроза Восточному щиту.

– Подтверждённая кем?

– Мной.

– Вы заинтересованная сторона.

– Я Хранитель Предела.

– И мой супруг, который инициировал развод и подписал ограничение моих прав.

Свидетель перестал писать.

Эран смотрел на тёмный двор за окном.

Райден снял перчатку.

Печать на его ладони светилась слабее, чем утром. Серебряные линии возле запястья казались истончёнными.

– Я могу определить состояние щита точнее любого человека в этой крепости.

– Не спору.

– Тогда почему моего заключения недостаточно?

– Потому что вы определяете военный риск, ограничиваете моё передвижение и одновременно контролируете возможность обжаловать это ограничение.

– Я отвечаю за безопасность Предела.

– Ответственность не делает вас независимым.

Он опёрся ладонями о стол и наклонился ко мне.

Движение было резким, но он не пересёк край моей части стола.

Не коснулся.

Запомнил условие.

– Вы предлагаете позволить вам покинуть крепость с повреждённой территориальной печатью?

– Я предлагаю закрепить временное ограничение на четыре дня. После этого вам потребуется либо моё новое согласие, либо решение независимого суда.

– За четыре дня судья не придёт.

– Тогда вызовите его сейчас.

– Вы знаете, что после бури дороги нестабильны.

– Нет. Не знаю. Вы не предоставили мне сведения.

Райден медленно выпрямился.

– Ограничение действует четыре дня. Продление только по вашему согласию или решению Высшего суда. До окончания срока вы не покидаете Рейнгард.

– Западное крыло?

– Крепость.

– С охраной я могу перемещаться по разрешённым участкам?

– Да.

– Перечень запретных участков предоставляется письменно.

Он посмотрел на свидетеля.

– Внесите.

Когда исправления были закончены, молодой мужчина переписал документ на новые листы.

Почерк у него оказался ровным и слишком красивым. Каждая буква выглядела как часть узора.

Райден отправил Марека за архивным юристом для проверки текста.

Я остановила его.

– Юрист может прочитать. Менять ничего не будет.

– Без проверки договор не регистрируют, – сказал Райден.

– Пусть оставит письменные замечания. Изменения внесём при всех.

Свидетель поддержал:

– После согласования сторон исправления без повторного подтверждения невозможны.

Райден кивнул Мареку.

Тот вышел.

Мы ждали молча.

За окном темнело. Красные сигнальные огни на стенах зажигались один за другим. Один вспыхнул, погас и загорелся снова.

Райден заметил это раньше меня.

Его голова чуть повернулась.

– Какой узел? – спросил Эран.

– Северо-восточная линия.

– Снова?

– Третий раз за два часа.

На правом запястье появилась боль.

Сначала лёгкая. Потом острая, пульсирующая.

Я прижала руку к груди.

Райден сделал шаг.

Остановился.

– Можно?

Одно слово.

Он спрашивал разрешение приблизиться.

Я посмотрела на Эрана.

– Что он может сделать?

– Проверить, связано ли возмущение со щитом. Без открытия печати.

– Только проверить.

– Да.

Я протянула руку.

Райден подошёл и удержал ладонь над моим запястьем, не касаясь кожи.

От него исходило сухое тепло.

Красно-серебряный рисунок на его ладони вспыхнул.

Моё тело отозвалось раньше меня.

Знакомое присутствие. Облегчение оттого, что он рядом. Желание придвинуться ближе, позволить ему взять руку полностью.

Я не сделала этого.

Тело помнило мужа.

Я видела опасного незнакомца, который хотя бы начал спрашивать.

Свет между нашими печатями натянулся тонкой нитью.

Райден нахмурился.

– Северо-восточный узел отзывается через брачную линию.

– Это плохо? – спросила я.

– Этого не должно происходить без вашего доступа к территориальной печати.

– Меня отстранили, но печать не согласилась?

– Печати не соглашаются и не возражают.

– Они реагируют на намерение, – напомнила я.

Райден опустил руку.

Связь исчезла. Вместе с ней ушла часть боли.

– Договор нужно завершить сейчас, – сказал он.

– Почему?

– Временная связка может уменьшить напряжение.

– Может?

– Гарантий нет.

– Тогда не будем записывать стабилизацию как установленный результат.

Его взгляд стал тяжелее.

– Даже сейчас?

– Особенно сейчас.

Марек вернулся с архивным юристом.

Проверка заняла четверть часа.

Юрист указал на две неточные ссылки на Пепельное право. Свидетель исправил номера статей при нас. Больше никто к тексту не прикасался.

Наконец два одинаковых экземпляра легли рядом.

Свидетель открыл чёрный футляр.

Внутри находилась тонкая серебряная пластина с четырьмя углублениями.

– Каждая сторона подтверждает текст личной печатью, – объяснил он. – Я проверяю соответствие произнесённых условий письменным. Мастер Вейр подтверждает ясность сознания и отсутствие подавляющих веществ.

– Что произойдёт после подтверждения? – спросила я.

– Договорная печать зафиксирует обязательства. Нарушение станет видимым в официальной записи.

– Причинит боль?

– Нет.

– Ограничит передвижение?

– Только в пределах добровольно принятого пункта. Договор не сможет физически вас остановить. Он зафиксирует нарушение.

– Позволит Райдену использовать мою личную печать?

– Нет.

– Передаст доступ к памяти?

– Нет.

– Создаст новую связь между нами?

Свидетель покачал головой.

– Временное соглашение свяжет обязательства, не личности.

Я посмотрела на Эрана.

– Ясность сознания?

Он подошёл и проверил пульс.

– Вы истощены, но понимаете условия и последствия. Настой не влияет на решения.

– Господин Керн?

Эран перевёл взгляд на Райдена.

– Магически истощён. Сознание ясное.

– Я способен подтвердить договор, – сказал Райден.

– Это определяю я, – спокойно ответил Эран.

Пауза.

– И я подтверждаю.

Райден промолчал.

Свидетель положил первый договор на пластину.

– Прочтите последний раздел вслух.

Я взяла лист.

Текст был длинным, но понятным.

Я читала медленно, останавливаясь после каждого пункта.

Личные средства.

Доступ к материалам.

Независимое медицинское наблюдение.

Запрет вмешательства без согласия.

Ограничение передвижения на четыре дня.

Право на охрану.

Письменная фиксация чрезвычайных действий.

Непризнание вины.

Когда я закончила, свидетель спросил:

– Вы понимаете условия?

– Да.

– Действуете добровольно?

– Я принимаю временное ограничение ради проверки печати и защиты жителей Предела.

Остальные права сохраняю.

Свидетель кивнул.

– Имеете возможность отказаться?

Я посмотрела на Райдена.

– Юридически – да. Практически отказ увеличит риск для щита. Я понимаю разницу и всё равно подтверждаю договор.

Свидетель задержал на мне взгляд.

– Этого достаточно.

Я приложила левую ладонь к первому углублению.

Серебряная линия личной печати проявилась на коже.

От пластины поднялось прохладное свечение.
Оно прошло по тексту.
Первый пункт отозвался теплом.
Второй тоже.
Третий.
Четвёртый.
На пятом свет остановился.
Внутри правильного серебряного рисунка была пустота.
Не тёмное пятно, как мёртвое стекло.
Хуже.
Линия выглядела живой, но ничего не хотела.
Не сопротивлялась. Не отзывалась. Не была связана ни с одним человеком в комнате.
Я отдернула руку.
– Стойте.
Свет погас.
Райден мгновенно посмотрел на дверь и окна.
Марек положил руку на меч.
Свидетель побледнел.
– Что произошло?
– Пятый пункт.
– В нём ошибка?
– Не в тексте. В печати.
Он наклонился к пластине.
– Моя проверка не обнаружила вмешательства.
– Потому что линия похожа на вашу.
– Она и должна быть моей. Я подготовил договорную структуру.
– Нет. Вы подготовили остальные. Эта не связана с вами.
В комнате стало очень тихо.
Райден подошёл к столу.
– Вы снова чувствуете отсутствие?
Я посмотрела на него.
Он запомнил мои слова в ритуальном зале.
– Да.
Свидетель приложил два пальца к пластине.
Серебро вспыхнуло.
Пятый пункт остался холодным.
На лице молодого мужчины появилось недоверие.
– Это моя форма.
– Но не ваше действие, – сказала я.
– Я сам создавал структуру.
– Когда договор оставался без наблюдения?
Он замер.
– Несколько минут, пока я получал регистрационный футляр.
Тейра в комнате не было.
Эстеры тоже.
Но их отсутствие не доказывало непричастность.
Как и присутствие не доказало бы вины.
Райден повернулся к Мареку.
– Кто входил?

– Никто после нашего прибытия.
– До?
– Комнату готовили архивные служители.
– Имена.
Марек перечислил троих.
Свидетель продолжал касаться пластины.
– Кто-то взял копию моей структуры.
– Можно скопировать личную печать? – спросила я.
– Форму – да. Живое подтверждение – нет.
Эран подошёл ближе.
– Какое действие содержится в подменённой линии?
Свидетель провёл над ней серебряным кольцом.
Текст пятого пункта дрогнул.
Под основной записью проявилась вторая, почти невидимая строка.
«При угрозе территориальному контуру глава дома получает временное право использовать брачную печать без дополнительного подтверждения второго носителя».
Райден прочитал её первым.
Печать на его ладони вспыхнула так резко, что серебряная пластина зазвенела.
– Я не давал такого распоряжения.
– Но пункт предоставляет право вам, – сказал свидетель.
– Я сказал, что не давал распоряжения.
В гневе голос Райдена стал тише.
Марек отступил от двери, будто готовился удерживать её изнутри.
– Структуру нужно уничтожить, – произнёс Эран.
– Сначала зафиксировать, – сказала я.
Все посмотрели на меня.
– Если уничтожите её сейчас, останется только наше слово. Свидетель должен составить запись, снять копию линии и подтвердить, что она появилась без его намерения.
Молодой мужчина кивнул быстрее, чем требовал церемониальный порядок.
– Да. Обязательно.
Райден посмотрел на поддельную строку.
– Она могла активироваться при подписании?
– Да, – ответил свидетель. – Поскольку ваша печать уже связана с госпожой Меррат-Керн, договор принял бы скрытое условие как продолжение чрезвычайного пункта.
– Я смог бы открыть её печать?
– При любом возмущении щита, которое ваша территориальная печать признала бы угрозой.
Любом.
Райден определял бы угрозу.
Его печать подтверждала бы её.
А поддельный пункт давал ему право вмешаться в мою.
Тот самый замкнутый круг, против которого я спорила весь день.
Только теперь кто-то построил его не в формулировку.
В магию.
– Удобно, – сказала я. – Условие, которое позволяет повторить ночную процедуру без моего согласия.
– Это могла сделать она, – произнёс голос от двери.
Тейр вошёл без стука.
За ним стояла Эстера.

Марек сразу выпрямился.

– Господин Тейр, комната закрыта на время подтверждения.

– Мне сообщили об остановке регистрации.

Тейр посмотрел на пластину.

– Лиора первой обнаружила линию. Она же единственная, чья печать изменилась ночью.

– То есть я встретила условие против собственного согласия, а потом остановила подписание? – спросила я.

– Возможно, вы не ожидали, что оно проявится так рано.

– Или хотела вызвать недоверие внутри дома.

– Для этого существуют менее сложные способы. Например, пригласить вас на встречу.

Эстера подошла к столу.

– Свидетель, вы подтверждаете вмешательство?

– Подтверждаю подмену одной линии. Виножник не установлен.

– Печать Лиоры касалась договора?

– Только во время проверки, после создания структуры.

Тейр повернулся ко мне.

– Она могла изменить линию прикосновением.

– Не могла, – сказал свидетель. – Подмена существовала до подтверждения. Иначе я увидел бы момент изменения.

– Вы младший свидетель.

Молодой мужчина побледнел, но ответил:

– Мой уровень не меняет свойства зафиксированной печати.

Тейр открыл рот.

Райден остановил его одним взглядом.

– Достаточно.

– Райден, – начала Эстера.

– Госпожа Меррат-Керн обнаружила скрытое условие, которое нарушало согласованный договор.

Он впервые произнёс моё имя не как обвинение и не как напоминание о браке.

Официально.

Холодно.

Но встал на сторону факта.

– До доказательства обратного это не может считаться её вмешательством, – продолжил он.

Тейр медленно сложил руки за спиной.

– Вы доверяете обвиняемой больше совету?

– Я доверяю зафиксированному несоответствию.

Ответ был почти моим.

Мне это не понравилось.

Но я его запомнила.

Свидетель изготовил копию скрытой линии и поместил её в отдельный футляр.

Потом уничтожил подменённый фрагмент.

Серебро на пластине почернело и рассыпалось мелкой пылью.

Договор пришлось создавать заново.

На этот раз никто не покидал комнату.

Свидетель выстроил каждую линию при нас. Эран проверил медицинские пункты. Я читала текст вслух. Райден касался только тех разделов, которые создавали обязательства для него.

Когда очередь снова дошла до меня, я положила ладонь на пластину.

Первый пункт отозвался.
Второй.
Третий.
Каждая линия имела сопротивление. Не препятствие. Присутствие.
За ней стоял человек, который создал форму и понимал смысл.
Пустоты не было.
– Подтверждаю, – сказала я.
Личная печать Мерратов вспыхнула серебром.
Райден приложил правую ладонь к противоположной стороне пластины.
Красный свет прошёл по тексту навстречу моему.
Линии встретились в середине, но не смешались.
Временный договор не соединял нас.
Только обязательства.
– Подтверждаю, – произнёс Райден.
Свидетель коснулся центрального углубления.
Эран последним подтвердил ясность нашего сознания.
Серебряная пластина нагрелась.
Под ладонью прошла короткая вибрация.
Где-то глубоко под крепостью ответила жила.
Гул, который весь день давил на камень, стал ровнее.
За окном одновременно вспыхнули три красных огня.
На запястье ослабла боль.
Я убрала руку.
Райден тоже.
Несколько секунд никто не говорил.
– Северо-восточный узел стабилизировался, – сказал он.
– Полностью? – спросила я.
Он прислушался к тому, чего я не могла услышать.
– Нет. Но нагрузка снизилась.
– Договор сработал? – спросил свидетель.
Эран посмотрел на наши печати.
– Он создал временную определённую. Возможно, повреждённая связь реагировала на конфликт условий.
– Магии не нравилась юридическая неопределённость? – спросила я.
– Магии безразлично, нравится ей что-то или нет. Но она подчиняется точно выраженному намерению.
– Значит, у нас с ней есть общие требования к документам.
Свидетель неожиданно улыбнулся.
Райден нет.
Он смотрел на моё запястье.
Красно-серебряная линия изменилась. Разрыв всё ещё оставался, но теперь от него отходила тонкая светлая ветвь.
Эран заметил её одновременно с ним.
– Не двигайтесь.
Он подошёл ко мне.
– Можно?
Я протянула руку.
Эран провёл кольцом над кожей.
Зелёный камень нагрелся, затем стал почти белым.

– Что? – спросил Райден.

– Договор не просто снизил напряжение. Он закрепил новую линию.

– Между нами? – спросила я.

– Не совсем.

Эран повернул мою ладонь.

Светлая ветвь уходила от брачной печати вверх, под рукав. Я чувствовала её как натянутую нить, конец которой терялся где-то за стенами комнаты.

– Куда она ведёт?

– Пока не знаю.

Райден протянул руку к моей печати.

Остановился до прикосновения.

Я заметила.

Он заметил, что я заметила.

– Проверьте, – сказала я. – Только линию.

Райден коснулся двумя пальцами края светящегося рисунка.

Тепло вошло под кожу.

В тот же миг комната отдалилась.

Я слышала ветер над стенами Рейнгарда.

Тяжёлый удар крыльев.

Треск камня.

Чужую боль в левом плече.

И расстояние.

Огромное, опасное пространство, которое натянулось между двумя печатями, хотя мы стояли рядом.

Я резко вдохнула.

Райден убрал руку.

Сразу.

– Что вы почувствовали? – спросил Эран.

– Будто связь проверила, где мы находимся.

Райден смотрел на свою ладонь.

На ней появилась такая же тонкая ветвь.

Эран несколько минут сравнивал рисунки.

Потом снял кольцо и положил его на стол.

– До следующей проверки никому из вас нельзя покидать Рейнгард.

– Это уже есть в договоре, – сказал Райден.

– Я говорю не о праве.

Эран посмотрел сначала на него, потом на меня.

– Я говорю о физической опасности. Печать начала отслеживать расстояние между вами.

Пока мы не понимаем предел, резкое разделение может повредить обоим и снова ударить по щиту.

Я опустила рукав.

– Насколько далеко мы можем разойтись?

– Не знаю.

– Как быстро это установить?

– Испытаниями. Постепенными и только при наблюдении.

Райден сложил руки за спиной.

– Начнём утром.

– После моего согласия на порядок проверки, – сказала я.

Он посмотрел на меня.

– После вашего согласия.

Тейр недовольно отвернулся.

Эстера молчала.

Свидетель собирал документы так осторожно, будто каждый лист мог взорваться.

Эран снова взглянул на мою печать.

– Есть ещё кое-что.

– Что именно?

– Ветвь расстояния появилась сейчас. Но под ней находится другая структура.

Райден подошёл ближе.

– Часть брачной печати?

– Нет.

– Территориальной?

– Тоже нет.

Эран коснулся кольцом серебряной линии.

Из глубины рисунка проступил второй контур.

Тонкий.

Тёмный.

Почти невидимый.

Он уходил внутрь повреждённой печати, словно был спрятан там задолго до сегодняшнего договора.

– Этой структуры не было в первоначальной записи вашего брака, – произнёс Эран.

Я посмотрела на Райдена.

Он не отвёл глаз.

Временный договор был подписан.

Только внутри нашей брачной печати уже существовало другое соглашение.

И никто из нас не знал, кто его заключил.

Глава 5. Чужие покои

Утром Райден предложил вернуть меня в супружеские покои.

Предложение прозвучало как приказ, который для приличия снабдили лишним словом.

– Нет.

Он стоял у окна архивной комнаты и смотрел во внутренний двор. За ночь ветер разогнал серую пыль, но небо осталось белёсым. Красные огни на стенах горели даже при дневном свете.

Эран уже ушёл готовить порядок испытания новой линии печати. Свидетель унёс оба экземпляра договора на регистрацию. Марек ждал у двери.

Мы с Райденом остались за столом, на котором ещё лежала серебряная пыль от уничтоженной подделки.

– В западных комнатах нет устойчивого отопительного контура, – сказал он. – После бури температура ночью опустится.

– Тогда почините контур.

– Супружеские покои защищены лучше.

– И находятся рядом с вашими?

– Они соединены внутренней гостиной.

– Тем более нет.

Он повернулся.

Сегодня Райден выглядел хуже, чем накануне. Серебристые пряди на висках стали заметнее, под глазами легли тени. Правая перчатка скрывала печать, но я помнила тонкую ветвь, появившуюся на его ладони.

– Вы не обязаны пользоваться общей спальней.

– Великодушно.

– Лиора жила там шесть лет.

– Лиора.

Имя повисло между нами.

Я не добавила «не я».

Пока не могла.

Райден медленно подошёл к столу.

– В тех комнатах находятся её личные вещи.

– Если совет их не изъял.

– Не все.

– А доступ?

– Внутренняя гостиная запирается с обеих сторон.

– Ваш ключ открывает мою дверь?

– При угрозе жизни.

– Тогда мы вернулись к вчерашнему разговору.

Он положил ладонь на спинку кресла.

– Какие комнаты вы считаете подходящими?

Официальное «вы» сохранилось после договора.

Мне нравилось расстояние, которое оно создавало.

– Рядом с библиотекой.

– Почему?

– Потому что мне нужны сведения.

– Архив и библиотека не одно и то же.

– Я уже заметила, что в вашем доме знания делятся на те, которые можно читать, и те, за попытку прочитать которые женщину обвиняют в предательстве.

Его пальцы сжались на дереве.

– Западный архив открыли без разрешения.

– Это следует из обвинения. Обстоятельства мне ещё не показали.

– Покажут.

– Тогда библиотека.

Райден взглянул на Марека.

– Какие свободные помещения находятся в среднем крыле?

Капитан ответил после короткой паузы:

– Малые гостевые покои возле зимнего сада. Три комнаты, отдельная лестница, выход к библиотечной галерее.

– Защита?

– Внутренний контур. После ночной бури одна линия ослаблена.

– Починить.

– Сегодня?

– До её переселения.

Марек кивнул.

Я поднялась.

– Значит, вопрос решён.

– Есть ещё условие.

Я остановилась.

– Расстояние между нами проверят до вашего переезда.

– Мы находимся в одной крепости.

– Эран не знает безопасного предела.

– Тогда проверим путь до среднего крыла.

– Под наблюдением.

– Разумеется.

Райден отпустил спинку кресла.

– Я пришлю мастера рун и двух стражников.

– Одного мастера и одного стражника.

– Двух.

– Почему?

– Потому что внутри крепости обнаружена поддельная договорная линия.

– Это аргумент за более строгий контроль доступа, а не за большее число людей у моей двери.

– Один стражник не сможет одновременно охранять вход и сопровождать вас.

– У меня будет выбранный второй человек после того, как вы предоставите список.

– Список готовят.

– Значит, до его получения достаточно Марека.

Капитан не изменился в лице.

Райден посмотрел на него, потом на меня.

– До вечера.

– Принимается.

Мы снова договорились.

Мне начинало казаться, что Райден способен уступать только тогда, когда называл уступку временной.

Испытание расстояния оказалось проще, чем я ожидала, и неприятнее, чем хотелось.

Эран велел нам идти в разные стороны по длинной галерее.

Я остановилась у окна. Райден остался возле лестницы. Между нами было шагов двадцать.

Печать молчала.

Ещё десять шагов.

В правом запястье появилось лёгкое натяжение.

– Что чувствуете? – спросил Эран.

– Будто под кожей затягивают нить.

– Боль?

– Пока нет.

Райден стоял неподвижно.

– У меня давление в ладони.

Эран сделал отметку.

– Ещё пять шагов.

Я пошла.

На третьем шаге нить натянулась сильнее. На пятом в груди возникло пустое ощущение, похожее на внезапный провал лифта.

Я остановилась сама.

Райден одновременно поднял руку.

– Достаточно.

– Я ещё не попросил остановиться, – сказал Эран.

– Попросил я.

В гневе Райден говорил тише. В тревоге, видимо, тоже.

– Угроза есть? – спросила я.

Он посмотрел на правую ладонь.

– Печать пытается открыть направление к вам.

– Пусть попробует. Нам нужен предел.

– Нет.

– Это проверка.

– Уже получен ответ.

– Получено ощущение. Не расстояние.

Эран закрыл записную книжку.

– Господин Керн прав в одном. Продолжать без подготовленного защитного контура неразумно.

– В одном? – переспросил Райден.

– Сегодня.

Я вернулась на несколько шагов.

Натяжение ослабло.

На расстоянии примерно тридцати шагов печать успокоилась полностью.

Среднее крыло находилось дальше, но внутри одного защитного контура. По мнению Эрана, этого могло оказаться достаточно.

– Если появится боль, вы немедленно возвращаетесь, – сказал он.

– Куда?

– Ближе к господину Керну.

– Формулировка мне не нравится.

– Магии безразличны ваши вкусы.

– Вы вчера утверждали, что ей вообще всё безразлично.

– Рад, что вы слушали.

Райден молчал.

Я видела, что идея моего переселения ему не нравилась. Не из-за близости. Он терял возможность контролировать пространство одним взглядом.

Это стало ещё одной причиной переехать.

Малые гостевые покои оказались лучше западных.

Не роскошнее. Живее.

В гостиной стоял круглый стол, четыре разных кресла и книжный шкаф с застеклёнными дверцами. Два окна выходили во внутренний сад, защищённый прозрачным сводом. Под ним росли тёмно-зелёные кусты, низкие деревья и белые цветы, похожие на маленькие звёзды.

Зимний сад.

По каменным дорожкам ходили люди. Кто-то в форме стражи, кто-то с корзиной белья. В дальнем углу мальчик лет двенадцати помогал пожилому садовнику собирать опавшие листья.

После пустых западных комнат это место казалось почти нормальным.

Спальня была небольшой. Кровать, два сундука, шкаф, туалетный столик. Третья комната подходила для работы.

На стенах не осталось светлых следов от снятых украшений.

Здесь никто не жил достаточно долго, чтобы успеть исчезнуть.

– Оставляем, – сказала я.

Майра оглядела комнату.

– Полог придётся заменить. Этот пахнет пылью.

– Мне нужен полог?

– Ночью камень отдаёт холод.

– Тогда нужен.

Она открыла шкаф, проверила полки, постучала по задней стенке.

– Что вы ищете?

– Иногда гостевые комнаты используют люди, которым нравится оставлять после себя подарки.

– Тайники?

– Клопов.

Я посмотрела на неё.

– В этом мире есть драконы, магические печати и окна под прозрачным сводом. Но клопов вы не победили?

– Клопы не дают клятв и не признают власть домов.

Разумное объяснение.

Марек проверил дверь.

Новый замок установили при мне. Мастер рун показал три линии:

первая открывалась моим прикосновением;

вторая позволяла Майре войти по разрешению;

третья отзывалась на угрозу жизни и требовала одновременного подтверждения стражника и целителя.

– Господин Керн сможет войти? – спросила я.

Мастер кашлянул.

– Его территориальная печать способна открыть любую дверь Рейнгарда при нападении на крепость.

– При обычных условиях?

– Нет.

Я приложила ладонь к серебряной пластине.

Линия потеплела.

Замок щёлкнул.

– Хорошо.

Райден при проверке не присутствовал.

И это тоже было хорошо.

Переезд занял полдня.

Вещей у Лиоры осталось так мало, что они поместились в два сундука.

Майра складывала платья. Я проверяла каждый ящик и каждый карман. Не потому, что ожидала найти признание настоящего преступника между нижними юбками. Мне требовалось понять, что принадлежало женщине, чьим лицом я теперь пользовалась.

Четыре пары перчаток.

Три тёмных платья.

Два серых.

Одно зелёное без родовых знаков.

Бельё.

Расчёски.

Флакон духов с запахом сухих трав и яблок.

Небольшая книга с молитвами Семи Огней.

Лиора делала пометки на полях тонким почерком.

Некоторые строки я понимала сразу. Другие приходилось читать медленно, разбирая сложные формы букв.

– Почему я умею читать одно и не понимаю другое? – спросила я.

Майра складывала чулки.

– Простые тексты вы читали с детства. Архивный язык требует обучения.

– Значит, тело помнит навык, но не всё знание.

Она подняла на меня взгляд.

– Мастер Вейр так сказал?

– Он предположил.

– Вы говорите о теле так, будто оно чужое.

Я закрыла книгу.

– Оно изменилось.

– После ритуала.

Не вопрос.

– Да.

Майра вернулась к сундуку.

Я открыла небольшую шкатулку с перчатками.

На дне лежала сломанная застёжка Кернов, которую я видела в западной спальне. Серебряное крыло раскололось у основания. Красная эмаль на стене была поцарапана.

– Почему это не забрали вместе с остальными знаками?

– Сломанное не внесли в перечень.

– Кто его сломал?

Майра затянула шнур на свёртке.

– Вы.

– Когда?

– В день, когда увидели госпожу Вельс в цветах Кернов.

Телесная память ударила коротко.

Зал. Длинный стол. Светлые волосы Кассии. Серебряное крыло на её груди. Райден говорит что-то советнику и не замечает, как Лиора останавливается у двери.

Пальцы сжимают собственную застёжку.

Металл ломается.

Ни слова.

Я положила украшение обратно.

– Кто-нибудь видел?

– Я.

– Райден?

– Нет.

Конечно.

Лиора разрушала вещи тихо.

Чтобы никто не обвинил её в сцене.

В нижнем ящике туалетного столика лежала стопка небольших листов, перевязанных выцветшей зелёной лентой.

Большинство оказались хозяйственными записями.

Проверить зимнее зерно.

Отправить лекарства в Верхний Караул.

Уточнить выплату вдове сержанта Элда.

Передать книги в школу нижней крепости.

Спросить у Райдена о трещине северной башни.

Последняя строка была зачёркнута.

Под ней Лиора написала:

«Не сегодня».

На следующем листе:

«Спросить после совета».

Зачёркнуто.

Ещё ниже:

«Проверить самой».

Я провела пальцем по выцветшим чернилам.

Не слабая женщина.

Женщина, которая слишком долго переносила разговор на потом.

И однажды осталась одна с тем, что нашла.

– Эти записи кто-нибудь смотрел? – спросила я.

– Совет забрал рабочие книги. Списки сочли хозяйственными.

– Они и есть хозяйственные.

– Поэтому их не читали внимательно.

Удобная форма невидимости.

Я забрала листы в рабочую комнату.

На дне сундука обнаружилось незаконченное письмо.

Бумага была сложена вдвое, но не запечатана.

«Матушка, я понимаю, почему вы не можете вмешаться без официального обращения.

Но официальное обращение теперь проходит через Севрана, а я больше не уверена...»

Дальше строка обрывалась.

На бумаге осталось пятно от капли.

Не слеза. Чернила. Перо, вероятно, задержали слишком долго.

– Это письмо отправляли?

Майра взглянула через моё плечо.

– Нет.

– Почему?

– На следующий день доступ к переписке ограничили.

– Кто?

– Совет.

– Райден подписал?

Она помолчала.

– Да.

Я сложила письмо.

Аккуратно, по старому сгибу.

Вера Соколова умерла на дороге.

Лиора Меррат-Керн умерла на каменном столе.

Но между этими смертями существовали девятнадцать дней, в течение которых живую женщину шаг за шагом лишали возможности говорить.

Я не знала, что она скрывала.

Не знала, кому лгала и зачем.

Но теперь видела цену, которую она платила за молчание.

В шкафу рабочей комнаты находилось пустое прямоугольное углубление. На полках вокруг него осталась пыль, а внутри дерево было чистым.

– Что здесь стояло?

Майра подошла ближе.

– Архивный ларец.

– С документами?

– С личными копиями.

– Его изъяли?

– Да.

– По перечню?

Она посмотрела на дверь.

– В официальной записи указаны три папки и книга печатей.

– А в ларце было больше?

– Я не знаю.

Это прозвучало слишком быстро.

– Майра.

– Я действительно не знаю, что именно вы хранили. Ларец был закрыт личной печатью.

– Кто его забрал?

– Капитан Дарн и двое архивных служителей.

– При вас?

– Да.

– Он был запечатан, когда его вынесли?

– Был.

Значит, либо документы вскрыли позднее, либо ларец оставался закрытым.

Нужно будет проверить перечень изъятого и запросить доступ.

Я записала это на отдельном листе.

Почерк вышел крупнее, чем в заметках Лиоры. Более прямой. Без длинных тонких соединений.

Майра заметила.

Ничего не сказала.

Пока.

К вечеру я научилась включать воду.

Это потребовало трёх попыток и одного мокрого рукава.

На медной пластине возле умывальника находились две руны. Первая подавала воду, вторая нагревала. Если нажать обе одновременно, из крана шёл пар.

– Лиора знала порядок, – сказала Майра, подавая полотенце.

– Я не помню.

– Раньше вы касались линии одним пальцем.

– Теперь буду двумя.

Она смотрела, как я пробую снова.

На этот раз вода потекла тёплая.

Отопительная руна работала похожим образом. Нужно было повернуть каменный круг у камина и удерживать ладонь до появления красного света.

Я не знала, сколько энергии это требовало и откуда она бралась.

Майра объяснила, что контур связан с внутренней жилой и обновляется мастерами раз в месяц.

- А если жила повреждена?
- Комнаты остывают первыми.
- Западные поэтому были холодными?
- Частично.
- А частично?

Она поправила полено, хотя обычный огонь не горел.

- После отстранения ваш личный доступ к отоплению ограничили.

Я посмотрела на красный свет под камнем.

- Мне уменьшили тепло в комнатах?
- Совет установил минимальный уровень.
- Зачем?
- Экономия магии.
- В одной комнате?
- Это было объяснение.

Конечно.

Иногда унижение стоило совсем недорого.

Чашки горячей воды, знака на платье, кресла за столом.

Достаточно, чтобы каждый день напоминать человеку его место.

Я записала и это.

Не для суда.

Пока для себя.

Перед ужином пришла Нэрис.

Она постучала дважды и вошла только после моего разрешения.

На ней была короткая тёмная куртка, высокие сапоги и перчатки, закреплённые за поясом. Волосы собраны так, чтобы не мешали в полёте. Серебряный шрам у виска стал заметнее при свете камина.

Она осмотрела комнату.

- Выбрали гостевые покои.
- Здесь есть библиотека.
- В супружеских тоже.
- Там есть Райден.
- Он обычно занят.
- Это не делает внутреннюю дверь менее внутренней.

Нэрис усмехнулась.

- Логично.

Она подошла к окну.

Под прозрачным сводом зимнего сада зажигали светильники. Белые цветы отражали серебряный свет.

- Вы помните этот сад?
- Нет.
- Вы сами заказывали семена звёздника из земель Вельсов.
- Тогда надеюсь, они прижились.

Нэрис повернулась.

- Любимый цветок матери?

- Не знаю.
- Имя лошади, которую вам подарили после свадьбы?
- Не знаю.
- Кто сидел слева от Райдена на празднике Пепла в прошлом году?
- Не знаю.

Она кивнула, словно получала именно те ответы, которых ожидала.

- Где погиб Дарен?

Имя вызвало боль в груди.

Не мою.

Высокая башня. Снег, смешанный с пеплом. Райден, стоящий на коленях возле тела. Лиора видела это не сама. Ей рассказывали, а потом она много лет пыталась не произносить имя брата при муже.

- Я не знаю, – сказала я.

Нэрис внимательно смотрела на моё лицо.

- В Разорванном ущелье.
- Соболезную.
- Прошло двадцать три года.
- Это отменяет потерю?

Её взгляд изменился.

- Нет.

Она села напротив меня.

- Вы помните моё первое превращение?

- Нет.
- Вы были рядом.
- Тогда расскажите.
- Зачем?

– Потому что вы пытаетесь установить, кто я. Я пытаюсь понять человека, которым была Лиора.

- Говорите о себе в третьем лице.
- Иногда.

Нэрис провела пальцем по краю стола.

- Вы всегда обращались ко мне на «ты».
- Это вас оскорбляет?
- Настораживает.
- Я почти ничего не помню. Формальность безопаснее ошибки.
- Лиора боялась ошибок.
- А я предпочитаю их признавать.
- Вот именно.

Она заметила листы на столе.

Мои записи лежали рядом с выцветшими списками Лиоры.

Нэрис взяла верхний лист прежде, чем я успела остановить.

Прочитала несколько строк.

- Это ваш почерк?
 - Сейчас мой.
 - Он изменился.
 - После повреждения памяти такое возможно?
 - Возможно всё, что удобно объяснять повреждением памяти.
- Она положила лист на место.
- Райден считает, что вы защищаетесь.

- От него?
- От всех.
- Разумная привычка для обвиняемой.
- Лиора пыталась убедить нас, что невиновна.
- И вы не поверили?
- Нэрис посмотрела в окно.
- Я считала, что она скрывает важное.
- Это не ответ.
- Нет. Не поверила.
- Она сказала прямо.
- Без ссылки на совет, брата или магический след.
- Почему?
- Она солгала о ночном выходе. Уничтожила документ. Отказалась назвать человека, с которым встречалась. А через два дня едва не рухнул пограничный узел.
- Вы проверяли её объяснение?
- Она не дала объяснения.
- Возможно, перестала верить, что её услышат.
- Нэрис снова посмотрела на меня.
- Это вы сказали вчера.
- Мысль не стала хуже за ночь.
- Нет. Просто Лиора никогда бы не сказала её вслух.
- Тогда ей не повезло.
- Ей не повезло гораздо раньше.
- В голосе Нэрис впервые прозвучало не подозрение.
- Вина.
- Она встала.
- Завтра Эран продолжит испытания расстояния.
- После того как покажет порядок.
- Райден уже приказал подготовить защитный контур.
- Я не спрашивала, что приказал Райден.
- Знаю.
- Нэрис направилась к двери.
- Госпожа Керн.
- Она обернулась.
- Если хотите установить, притворяюсь ли я, задавайте вопросы, на которые ответ можно проверить. Не семейные воспоминания, которых у меня нет.
- Например?
- Кто получил выгоду после отстранения Лиоры. Кто получил доступ к её документам. Кто предложил ускорить развод. Кто контролировал переписку.
- Нэрис прищурилась.
- Вы превращаете проверку памяти в расследование.
- Потому что моя память не разрушает щит. Чьи-то действия разрушили.
- Она открыла дверь.
- Райдену это не понравится.
- У него тяжёлая неделя.
- Нэрис тихо фыркнула и вышла.
- За дверью её ждал Марек.
- Я услышала:
- Она всегда была такой?

– Нет, – ответил капитан.

– Плохо.

– Для кого?

Нэрис рассмеялась.

Негромко.

По-настоящему.

Ужин я ела одна.

Майра принесла густой суп, хлеб и запечённые овощи. Я всё-таки заставила себя съесть половину.

Потом ещё раз проверила замок, закрыла окна и разложила вещи.

Перчатки Лиоры убрала в верхний ящик.

Сломанную застёжку оставила рядом с письмом.

Выцветшие списки перенесла в рабочую комнату.

Каждый предмет занимал своё место, но комнаты всё равно оставались чужими.

Не потому, что принадлежали Лиоре.

Потому что я пока не знала, что принадлежало мне.

Имя Вера нельзя было произносить.

Прошлое существовало только в моей памяти.

В этом мире у меня не было ни одного собственного документа, вещи или человека, способного подтвердить, что я когда-то жила иначе.

Я достала чистый лист.

Написала:

«Вера Андреевна Соколова».

Буквы вышли знакомыми.

Моими.

Ниже:

«Тридцать шесть лет».

«Руководитель отдела внутреннего контроля».

«Мать – Ирина Павловна».

«Отец – Андрей Соколов».

«Разведена».

«Детей нет».

«Погибла в автомобильной аварии».

Последняя строка потребовала больше времени.

Я перечитала список и сложила лист вчетверо.

Потом убрала под подкладку пустой шкатулки.

Слабое укрытие.

Но первое место в Лаэде, где находилось что-то моё.

В дверь постучали.

Было поздно. В зимнем саду погасли почти все светильники.

– Кто?

– Майра.

Я открыла.

Она вошла без подноса и сразу заперла дверь.

В руках у неё был небольшой предмет, завёрнутый в ткань.

– Что случилось?

– Ничего. Пока.

Майра развернула ткань.

На её ладони лежала музыкальная шкатулка.

Небольшая, овальная, из тёмного дерева. Крышку украшала серебряная книга, окружённая тонкими ветвями.

Я узнала её.

Не умом.

Пальцы сами потянулись к боковой панели и остановились, не найдя нужного движения.

Телесная память знала, что шкатулка важна.

Но не знала, как открыть.

Майра следила за моей рукой.

– Она принадлежала вашему отцу.

– Астену Меррату?

– Да.

– Что внутри?

– Музыка.

– Только?

– Раньше вы говорили, что только.

Я повернула шкатулку.

Ни замка, ни петли. Серебряная книга на крышке не двигалась. На дне виднелись семь маленьких углублений.

– Как она открывается?

Майра не ответила.

Проверка.

Ещё одна.

Я могла нажать наугад. Сделать вид, что боль мешает вспомнить. Рассказать о повреждённой памяти.

Вместо этого положила шкатулку на стол.

– Не знаю.

Майра медленно выдохнула.

– Лиора открывала её одним прикосновением.

– Я не Лиора, которую вы помните.

Слова прозвучали опаснее, чем я планировала.

Она подняла глаза.

– Тогда кто вы?

– Человек, который пока не может ответить безопасно.

Майра молчала.

Долго.

Потом забрала шкатулку.

– Я сохраню её.

– Почему не отдадите совету?

– Потому что госпожа Лиора просила никому её не показывать.

– Когда?

– За два дня до отстранения.

– Она сказала почему?

– Нет.

Майра подошла к двери.

Я не остановила.

Проверка была закончена. Результат ей не понравился, но она не позвала стражу.

Пока этого было достаточно.

Ночью я проснулась от тихого скрежета.

Села на кровати и потянулась к тяжёлому подсвечнику.

Скрежет повторился у двери.

– Кто там?

– Я.

Голос Майры.

Я зажгла прикроватную руну и открыла.

Она стояла в коридоре в тёмной накидке. В одной руке держала свечу, в другой – длинный старый ключ.

Не магический.

Обычный металл, потемневший от времени.

Майра вошла и закрыла дверь.

– Что он открывает?

– Не знаю.

– Но вы принесли его мне.

– Госпожа Лиора отдала его за неделю до обвинения.

– С какими словами?

Майра посмотрела на меня так, словно окончательное решение принимала именно сейчас.

Потом вложила ключ в мою ладонь.

Металл оказался холодным.

– Она просила передать его только тому, кто перестанет просить господина Керна о любви.

Глава 6. Цвета другой женщины

Ключ я спрятала до рассвета.

Не под матрас и не в шкатулку, которую уже проверяла Майра. В рабочей комнате стоял тяжёлый стол с выдвижным ящиком. Его задняя стенка оказалась тоньше боковых. Между доской и камнем оставалась щель шириной в два пальца.

Ключ поместился туда вместе с листом, на котором я записала своё настоящее имя.

Хранилище нельзя было назвать надёжным. Но теперь, чтобы найти обе вещи, требовалось знать, что искать.

Утром Майра принесла завтрак и не спросила о ключе.

Я не спросила, почему Лиора перестала просить Райдена о любви.

Некоторые ответы лучше получать из поступков, а не из пересказа человека, который любил одну из сторон.

– Госпожа Вельс придёт через полчаса, – сказала Майра, разливая чай.

– Я не давала согласия на её осмотр.

– Мастер Вейр дал.

– Эран имеет право назначить второго специалиста только после моего согласия.

– Он просил передать, что госпожа Вельс будет проверять не вашу душу и не память, а состояние территориальной части печати.

– Это меняет предмет осмотра. Не право на отказ.

Майра поставила чайник.

– Мне отправить её обратно?

Я посмотрела на правое запястье.

Светлая ветвь, появившаяся после договора, почти исчезла под кожей. Тёмный второй контур оставался глубже. Эран не смог определить его назначение.

Кассия Вельс специализировалась на восстановлении жил. Если кто и мог заметить след мёртвого стекла в теле Лиоры, то она.

Отказ сейчас защищал бы мою гордость лучше, чем интересы.

– Пусть войдёт. При Эране.

– Он уже в соседней комнате.

– Марек?

– У двери.

– Тогда осмотр состоится.

Майра кивнула.

– И уберите с кресла красную накидку.

Я посмотрела на спинку кресла.

Ткань была тёмно-бордовой, без вышивки и знаков.

– Почему?

– Госпожа Вельс может решить, что вы намеренно выбрали цвет Кернов.

– Пусть решает.

– Вы хотите её разозлить?

– Я хочу перестать подбирать одежду с учётом того, какие выводы сделает другая женщина.

Майра взяла чашку, но не сразу передала её мне.

– Лиора пыталась не давать поводов.

– Ей всё равно нашли обвинение в государственной измене.

Чашка оказалась в моей руке.

– Верно, – сказала Майра.

Кассия вошла вместе с Эраном.

Сегодня на ней была не тёмно-зелёная форма военной лечебницы, а серое платье под короткой рабочей курткой. Волосы убраны назад. Рукава застёгнуты у запястий. На поясе висел узкий футляр с инструментами.

Застёжка дома Керн осталась на прежнем месте.

Серебряное крыло над красной стеной.

Она заметила мой взгляд и не отвела свой.

– Я пришла проверить повреждение территориальной связи, – сказала Кассия. – Не брачный контур.

– Что именно вы собираетесь делать?

Она положила футляр на стол.

– Проверю температуру кожи, чувствительность пальцев, ответ личной печати Мерратов и направление оттока силы. Затем использую диагностическую нить Вельсов. Она не входит в вашу печать и не открывает память.

– Боль?

– Возможна.

– Последствия?

– Краткая слабость. Головная боль. Если внутри остался след мёртвого стекла, может возникнуть дезориентация.

– Что вы сделаете в этом случае?

– Остановлю проверку.

– Даже если не получите результат?

Кассия встретила мой взгляд.

– После вашего отказа останавлиюсь.

Ответ был правильным.

Мне всё равно не хотелось давать ей руку.

– Эран?

Он стоял у окна, держа в руках свой футляр.

– Я буду наблюдать. Диагностическая нить безопаснее прямого погружения. Вы можете прекратить осмотр в любой момент.

– Хорошо.

Я села за стол и закатала правый рукав.

Кассия вымыла руки в чаше, которую принесла Майра. Затем раскрыла футляр.

Внутри лежали тонкие стеклянные палочки, серебряные зажимы, зелёные камни и моток почти прозрачной нити.

– Руку положите ладонью вверх.

Я выполнила.

Кассия не коснулась сразу.

– Можно?

– Да.

Её пальцы оказались прохладными и сухими.

Она проверила пульс, надавила на кончики пальцев, провела ногтем по ладони.

– Чувствуете?

– Да.

– Здесь?

– Слабее.

– Онемение было до разведения огня?

– Не помню.

Кассия задержала пальцы у основания большого пальца.

Тело Лиоры узнало её прикосновение.

Лечебница. Боль в висках. Кассия говорит кому-то за дверью, что госпоже необходим покой. Потом тише добавляет: «Покой не исправит повреждённую волю».

Воспоминание исчезло.

Я убрала руку.

Кассия сразу отступила.

– Что произошло?

– Фрагмент памяти.

– О чём?

– О вашем прежнем осмотре.

Она стала неподвижной.

Эран подошёл ближе.

– Вы готовы продолжать?

– Да.

Я снова протянула руку.

Кассия взяла прозрачную нить. Один конец закрепила на зелёном камне, второй провела над моей печатью.

Нить не касалась кожи.

В воздухе появился запах мокрой земли.

Свет под запястьем усилился. Сначала серебряный. Потом красный.

Кассия медленно двигала камень вдоль рисунка.

– Личная печать Мерратов сохранна, – произнесла она. – Брачная линия разорвана не полностью. Территориальный доступ закрыт внешним ограничением, но связь продолжает проводить силу.

– Это установили вчера.

– Вчера установили наличие связи. Я определяю её состояние.

– И какое оно?

– Неправильное.

– Точное медицинское определение?

– Пока самое честное.

Эран едва заметно поднял бровь.

Кассия продолжила осмотр.

Прозрачная нить пересекла тёмный контур.

Металлический вкус заполнил рот.

Перед глазами потемнело.

– Стойте.

Кассия замерла.

Нить осталась в воздухе, но свет погас.

– Уберите её.

Она сняла камень и положила на ткань.

Давление ослабло.

Эран проверил мой пульс.

– Что вы почувствовали?

– Металл. Темноту. Будто комната отделилась.

Кассия посмотрела на тёмный контур.

– Реакция на остаточное искажение.

– Мёртвое стекло?

– Возможно.

– Вы видели подобное раньше?

Пауза была короткой.

Но была.

– У людей, работавших рядом с повреждёнными жилами.

– У Лиоры до ритуала?

Кассия взяла другой зелёный камень.

– У неё были признаки истощения.

– Я спросила о следе мёртвого стекла.

– Я не проводила специальную проверку.

– Почему?

– Не было оснований.

– Она жаловалась на онемение, потерю ориентации или провалы памяти?

Кассия положила камень на стол.

– Осмотр проводила я.

– Поэтому спрашиваю вас.

– Вы пытаетесь превратить медицинскую проверку в допрос.

– А вы пытаетесь назвать вопрос изменением темы.

Она выпрямилась.

– У Лиоры были головные боли, слабость и нарушения сна. Она скрывала часть симптомов. Я зафиксировала магическое истощение.

– Причину?

– Причина не была установлена.

– В обвинении ваше заключение использовали как подтверждение того, что Лиора тайно работала с печатью.

– Я не отвечаю за выводы совета.

– Вы знали, для чего запрашивают отчёт?

Кассия посмотрела на Эрана.

Он не вмешался.

– Знала.

– И не уточнили, что истощение могло быть вызвано внешним воздействием?

– На тот момент у меня не было доказательств внешнего воздействия.

– Но было неизвестное происхождение симптомов.

– Оно указано.

– В копии обвинения написано: «Состояние соответствует длительному несанкционированному использованию печати».

Кассия замерла.

– Это не моя формулировка.

– Значит, отчёт изменили?

– Либо заключение составлено на основании нескольких документов.

– Вы проверяли итоговый текст?

– Нет.

– Почему?

– Военный целитель не контролирует решения родового совета.

– Зато должен контролировать использование своих выводов.

Её лицо стало жёстче.

– Вы ничего не знаете о работе военной лечебницы.

– Возможно. Зато я знаю, что слова специалиста становятся оружием, когда он позволяет другим менять их смысл.

На зелёном камне под её рукой вспыхнула тонкая линия.

Не от желания ударить.

От сдерживаемой силы.

Эран взял камень со стола и убрал в футляр.

– Проверка закончена.

– Я не завершила диагностику, – сказала Кассия.

– Пациентка потребовала остановиться.

– Она остановила один этап.

– И после этого её состояние ухудшилось.

Кассия посмотрела на меня.

– Вы хотите продолжить?

– Нет.

– Тогда я составлю предварительное заключение.

– Два экземпляра.

– Разумеется.

– Один передадите мне лично.

– Через капитана Дарна.

– Лично.

– Вы мне не доверяете.

– Я не доверяю системе, в которой чужая формулировка появляется под заключением врача.

Кассия закрыла футляр.

– Вы всегда были несправедливы ко мне.

Телесная память болезненно сжала грудь.

Лиора стояла в коридоре лечебницы. Кассия говорила: «Вы хотите, чтобы он выбирал между вами и ранеными». Райден проходил мимо, не слыша начала разговора.

Я выпрямилась.

– Я не знаю, какой была к вам Лиора.

– Удобная потеря памяти.

– Не для меня.

Кассия взяла футляр.

Серебряная застёжка блеснула на груди.

– Осмотр закончен, – сказала она.

– Не совсем.

Она остановилась.

– Вы так и не ответили, какое положение занимаете в доме Керн.

– Я военная целительница.

– Должность мы уже установили.

– Я союзник Хранителя.

– Тогда почему носите знак, который повторяет его родовые цвета?

Кассия коснулась застёжки.

– Я получила его за службу.

– От Райдена?

– Да.

– Когда?

– После Восточной войны.

– Этот знак даёт право представлять дом?

– Нет.

– Доступ к закрытому совету?

– Моя должность даёт.

– Право распоряжаться слугами Кернов?

– В лечебнице.
– Право входить в мои комнаты без приглашения?
– Я уже признала, что следовало дожидаться разрешения.
– Право занимать место супруги на официальных церемониях?
В комнате стало тихо.
Кассия медленно опустила руку.
– Я никогда не называла себя супругой Райдена.
– Я не спрашивала, как вы себя называли.
Эран закрыл свой футляр.
– Личные вопросы следует обсуждать не во время медицинского осмотра.
– Медицинский осмотр завершён, – сказала я. – Личный вопрос касается политического знака, который носит человек, чьё заключение использовали против меня.
Кассия шагнула к столу.
– Я спасла Райдену жизнь.
– Это достойно награды.
– Я удерживала его сердце после разрушения третьей башни. Восстанавливала крыло.
Оставалась в лечебнице по трое суток, пока ваша жена Хранителя устраивала приёмы.
Тело Лиоры дёрнулось от боли.
Не моей.
Я позволила ей пройти.
– Значит, вы заслужили уважение, должность и награду, – сказала я. – Но не чужое место.
Кассия побледнела.
– Я ничего у вас не забирала.
– Тогда вам будет нетрудно объяснить совету, почему вы носите цвета дома, к которому не принадлежите.
Она взяла футляр так резко, что металлическая защёлка ударилась о дерево.
– Вы пытаетесь вернуть Райдена.
– Нет.
Ответ прозвучал раньше, чем она закончила говорить.
Уверенно.
Без необходимости подумать.
Я не хотела вернуть мужчину, которого никогда не выбирала. Не хотела получить в наследство чужой брак вместе с телом и обвинением.
Но Лиора заслуживала, чтобы её отсутствие перестали использовать как свободное место.
– Мне не нужен Райден, – продолжила я. – Мне нужен точный статус каждого человека, получившего влияние после отстранения Лиоры.
Кассия смотрела на меня так, словно услышала оскорбление хуже обвинения.
Эран открыл дверь.
– Госпожа Вельс.
Она вышла.
На этот раз не оглянувшись.
Предварительное заключение принесли через два часа.
Лично.
Кассия вошла, положила два листа на рабочий стол и осталась стоять.
В документе было указано:
«Повреждение брачной и территориальной линий».
«Сохранённая личная печать».
«Нестабильная новая структура неизвестного происхождения».
«Реакция, соответствующая воздействию мёртвого стекла либо разрушенной жилы».

«Признаки одержимости отсутствуют».

Я перечитала последнюю строку.

– Вы проверяли одержимость?

– Диагностическая нить показала целостное соединение души и тела. Чужеродная сущность оставляет разрыв.

– А если душа другая, но тело её приняло?

Кассия нахмурилась.

– Это теоретический вопрос?

– Пока да.

– Тогда ответ будет таким же. Я не знаю.

Она не попыталась убедить меня, что невозможное невозможно.

Я поставила дату на своей копии.

– Почему в заключении не указано, что проверка остановлена по моему требованию?

– Это внесено в журнал.

– Внесите в оба экземпляра.

– Медицинский вывод от этого не меняется.

– Зато меняется полнота записи.

Кассия достала перо.

Добавила строку.

Я сравнила обе копии.

Одинаково.

– Теперь достаточно.

Она закрыла чернильницу.

– Вы намерены вынести вопрос о застёжке на совет?

– Да.

– Зачем?

– Потому что её значение должно быть определено публично.

– Вы хотите унижить меня.

– Нет. Я хочу прекратить двусмысленность.

– Для вас это одно и то же.

– Если ваше положение зависит от двусмысленности, проблема не во мне.

Она наклонилась к столу.

– Вы не были рядом, когда он едва не умер. Не знаете, что мы пережили. Не знаете, сколько раз я держала щит вместе с ним, пока Лиора пряталась за стенами.

– Лиора была первым хранителем.

– На бумаге.

– Вы не знаете, что она делала.

– А вы знаете?

Точный удар.

Я ничего не знала.

Пока.

– Узнаю, – сказала я.

Кассия выпрямилась.

– Райден не станет вашим только потому, что печать не разорвалась.

– Он не является наградой, которую мы делим.

– Удобно говорить, когда закон всё ещё на вашей стороне.

– Закон едва не убил меня прошлой ночью.

Она сжала губы.

– Вы изменились.

- Мне это уже сообщали.
- Я не уверена, что в лучшую сторону.
- А я не обязана быть удобнее для вас.

Кассия ушла.

Заключение осталось на столе.

Строка об отсутствии одержимости могла однажды защитить меня.

Или стать причиной более опасных вопросов.

Я сложила копию и убрала в запирающийся шкаф.

Затем позвала Марека.

– Передайте Райдену, что я требую внести в повестку малого совета статус знака, который носит Кассия Вельс.

– Сегодня обсуждают состояние щита.

– Значит, вопрос займёт несколько минут.

– Господин Керн может счесть его личным.

– Тогда пусть письменно объяснит, почему личный знак его дома носит человек, участвующий в официальных решениях.

Марек посмотрел на меня с выражением человека, которому предстояло войти в комнату с огнём и сообщить, что ему не нравится температура.

– Передам.

На малый совет меня пригласили раньше, чем ожидалось.

Заседание проходило в той же комнате, где я выдвигала условия.

Сегодня присутствовали Райден, Эстера, Тейр, Эран, Кассия и двое незнакомых мужчин в форме пограничной службы.

На столе лежала карта Восточного Предела. Три башни были отмечены чёрными камнями.

Я заняла свободное кресло.

Не рядом с Райденом.

Напротив.

– Состояние северо-восточной линии ухудшилось, – сказал один из военных. – Если третья башня не примет нагрузку до завтрашней ночи, придётся эвакуировать Верхний Караул.

– Сколько жителей? – спросила я.

Мужчина посмотрел на Райдена, прежде чем ответить.

– Около четырёхсот вместе с гарнизоном.

– Путь эвакуации?

– Южная дорога.

– Она защищена?

– Сейчас да.

Райден положил палец на карту.

– Нэрис проверит воздушный участок. Щитовые полки укрепят третью башню. Вейр и Кассия подготовят восстановление внутренней жилы.

– Кассия не будет работать с моей печатью без отдельного согласия, – сказала я.

– Речь о башне, – ответил Райден.

– Тогда возражений нет.

Кассия не посмотрела в мою сторону.

Совет обсудил запасы, людей и срок. Райден говорил коротко. Военные отвечали без лишних пояснений. В этой части он был убедителен.

Не потому, что обладал титулом.

Потому что понимал, кто, где и с каким риском будет выполнять каждый приказ.

Я записала названия башен.

Когда карта была закрыта, Райден посмотрел на меня.

– Вы требовали дополнительный вопрос.

– Да.

Тейр тяжело вздохнул.

– Сейчас не время обсуждать украшения.

– Тогда определим, что это не украшение.

Я указала на застёжку Кассии.

– Серебряное крыло над красной стеной является знаком дома Керн?

– Является, – ответила Эстера.

– Ношение знака даёт политическое значение?

– Зависит от формы и положения.

– Какое значение имеет этот?

Эстера посмотрела на Кассию.

– Почётный знак за военную службу.

– Даёт право выступать от имени дома?

– Нет.

– Почему он расположен там же, где носят знак супруги или официального представителя?

Кассия поднялась.

– Потому что так было удобно закрепить его на военной форме.

– Сегодня на вас не военная форма.

– Достаточно, – сказал Райден.

Я повернулась к нему.

– Это приказ прекратить вопрос?

– Это указание не превращать совет по защите Предела в выяснение личных отношений.

– Положение человека, который участвует в закрытых заседаниях, лечит Хранителя и составляет заключения против его супруги, не является только личным.

– Кассия присутствует по должности.

– Тогда знак не нужен.

Тейр сложил руки на столе.

– Лиора ревновала госпожу Вельс и раньше. Совет не обязан обсуждать каждое проявление личной неприязни.

– Я не обвиняю Кассию в том, что Райден ей нравится.

Кассия резко повернула голову.

Эстера побледнела от холодного возмущения.

– Я спрашиваю, почему после отстранения Лиоры другая женщина получила возможность носить цвета Кернов так, чтобы окружающие принимали её за будущую супругу или представительницу дома.

– Никто не делал официальных заявлений, – сказал Тейр.

– Отсутствие заявления и создало удобную двусмысленность.

– Вы пытаетесь восстановить собственное положение.

– Моё положение не изменится от того, снимет Кассия знак или нет. Я остаюсь обвиняемой и законной супругой до расторжения брака. Но её положение изменится. Поэтому мы здесь.

Кассия опёрлась ладонями о стол.

– Скажите прямо, чего хотите.

– Официального определения.

– Какого?

– Либо совет подтверждает, что вы представляете дом Керн, и указывает основание. Либо вы носите личную награду так, чтобы её нельзя было принять за супружеский или представительский знак.

– Вы требуете, чтобы я сняла его.

– Я требую прекратить использовать символ дома без определённых полномочий.

Она посмотрела на Райдена.

Не на совет.

Не на Эстеру, которая лучше всех знала родовые правила.

На него.

Райден медленно перевёл взгляд на серебряное крыло.

В комнате стало тихо.

– Знак был вручён за службу, – сказал он.

– Я помню, – ответила Кассия.

– Он не даёт права представлять дом.

– Я никогда не утверждала обратного.

– Но позволяла окружающим так считать, – сказала я.

Она повернулась ко мне.

– Вы не знаете, что считали окружающие.

– Тогда опровергните.

– Я не обязана оправдываться перед вами.

– Не передо мной. Перед советом, на котором присутствуете.

Эстера постучала пальцем по столу.

– Райден, это унижительно.

– Что именно? – спросила я. – Уточнение статуса или необходимость признать, что он не был уточнён раньше?

– Вы нарушаете порядок.

– Порядок уже нарушен. Я только назвала место.

Райден поднял руку.

Все замолчали.

Он обратился к Кассии:

– Снимите знак.

Она не сразу поняла.

Или не захотела понять.

– Что?

– До утверждения отдельного положения дома Вельс при Восточном совете носите собственные цвета.

Кассия выпрямилась.

– Ты позволил мне носить его двадцать три года.

– Я позволил носить награду. Не занимать положение, которого не определил.

– И только сейчас решил, что люди могли понять неправильно?

Райден перевёл взгляд на меня.

– Только сейчас вопрос был поставлен официально.

Не раскаяние.

Не признание, что Лиору унизили.

Только факт.

Но он всё же не спрятался за двусмысленностью.

Кассия растянула серебряное крыло.

Пальцы не дрожали.

Она положила знак на стол перед Райденом.

- В таком случае пусть дом Керн вернёт мне и всё остальное, что было вручено за службу.
- Не смешивайте награду и полномочия, – сказал он.
- Это вы смешивали их двадцать три года.
- Она была права.
- Райден не ответил.
- Кассия взяла свои бумаги.
- Моё присутствие ещё требуется?
- Для восстановления башни, – сказал он.
- Тогда я буду в лечебнице.
- Она вышла.
- Эстера поднялась следом.
- Ты позволил обвиняемой диктовать, какие знаки носит женщина, спасшая тебе жизнь.
- Я определил статус символа моего дома.
- После её требования.
- Требование было обоснованным.
- Это возвращает Лиоре влияние.
- Нет. Это устраняет ошибку.
- Он произнёс последнее слово без выражения.
- Эстера посмотрела на сына, потом на меня.
- Ошибки имеют последствия.
- Именно поэтому их следует признавать до того, как последствия станут необратимыми,
- ответила я.
- Она ушла.
- Тейр задержался.
- Вы добились своего.
- Я добилась ответа.
- Для госпожи Вельс разницы нет.
- Разница всегда есть. Просто не всем она выгодна.
- Он поклонился и последовал за Эстерой.
- Военные забрали карту. Эран вышел вместе с ними, оставив нас с Райденом и Мареком.
- Серебряное крыло лежало на столе.
- Райден взял его.
- Вы удовлетворены?
- Нет.
- Знак снят.
- Знак был только следствием.
- Чего?
- Того, что вы позволили другой женщине занять неопределённое место рядом с собой,
- пока ваша жена оставалась обвиняемой без суда.
- На его лице не появилось ничего.
- Кассия не занимала место моей супруги.
- Тогда почему все ведут себя так, будто она его потеряла?
- Райден опустил взгляд на застёжку.
- Вы не помните обстоятельств.
- Поэтому спрашиваю.
- Это не относится к состоянию щита.
- Относится к обвинению Лиоры. Кассия готовила медицинский отчёт. Имела доступ к вам. Присутствовала на советах. Получила больше влияния после отстранения вашей жены.
- Вы обвиняете её в заговоре?

- Я отмечаю выгоду и доступ. Это не доказательство.
- Тогда не обращайтесь с ней как с виновной.
- Вы не предоставили Лиоре такой осторожности.
- Печать на его ладони вспыхнула под перчаткой.
- Райден медленно положил застёжку на стол.
- Что вы хотите от меня сейчас?
- Ничего.
- Вы вызвали обсуждение, добились снятия знака, а теперь ничего не хотите?
- Я хотела прекратить нарушение. Оно прекращено.
- И это всё?
- Да.
- Вы не потребуете вернуть вам цвета Кернов?
- Нет.
- Место на совете?
- Моё участие уже закреплено договором.
- Супружеские покои?
- Тем более нет.
- Он смотрел на меня долго.
- Лиора боролась за этот брак.
- Телесная память сжала горло.
- Незаконченные письма.
- Зачёркнутые просьбы.
- Сломанное крыло в шкатулке.
- Возможно, – сказала я. – Но я не собираюсь бороться за мужчину, который сам не знает, кого и зачем держит рядом.
- Марек отвернулся к двери.
- Райден стал очень неподвижным.
- Вы считаете, что я удерживаю Кассию?
- Я считаю, что вы позволяли ей занимать удобное место, не называя его. А теперь удивлены, что определённая причина боли.
- Вы ничего не знаете о наших отношениях.
- Это можно исправить.
- Вы требуете отчёта?
- Нет. Когда ваши отношения влияют на дело Лиоры, я задам точные вопросы. Остальное меня не касается.
- Я встала.
- Совет окончен?
- Да.
- У двери он произнёс:
- Почему вы не хотите вернуть цвета?
- Я обернулась.
- Райден стоял у стола, положив ладонь рядом с серебряным крылом.
- Вопрос звучал так, будто ответ действительно был ему непонятен.
- Потому что право носить их не означает, что я их выбираю.
- Кассия ждала меня у выхода из совещательного крыла.
- Марек остановился, но она подняла пустые руки.
- Серебряной застёжки на её одежде больше не было.
- На том месте остались два маленьких прокола.
- Оставьте нас, – сказала она капитану.

– Нет, – ответила я. – Он останется на расстоянии.

Марек отошёл к окну.

Достаточно далеко, чтобы не слышать тихий разговор. Достаточно близко, чтобы вмешаться.

Кассия посмотрела на закрытую дверь совета.

– Вы довольны?

– Райден уже спрашивал.

– И что вы ответили?

– Что нарушение прекращено.

– Вы называете награду за спасённые жизни нарушением.

– Я называю нарушением использование награды как знака чужого дома без определённого статуса.

– Вы отняли у меня то, что носила двадцать три года.

– Не я. Решение принял Райден.

– После вашего требования.

– Значит, ответственность всё равно его.

Она шагнула ближе.

– Вы думаете, что сможете вернуть его, унижая меня?

– Мне не нужен мужчина, которого можно получить застёжкой.

Кассия побледнела.

Я продолжила:

– И мне не нужно ваше поражение. Мне нужно, чтобы чужое нарушение не называли моей виной. Лиору отстранили, лишили цветов и права говорить. В это время вы носили знак её дома и позволяли двору делать выводы. Это ваш выбор.

– Я не создавала обвинение.

– Но воспользовались его последствиями.

– Я была рядом с Райденом до его брака.

– И он всё равно женился на другой.

Её взгляд стал ледяным.

Тело Лиоры ожидало удара.

Я нет.

Кассия остановилась.

– Вы жестоки.

– Возможно.

– Раньше вы прятали жестокость за вежливостью.

– Раньше я прятала слишком многое.

– Райден не любит женщин, которые ставят его перед публикой.

– Это полезная информация. Но я не претендую на должность любимой женщины Райдена.

– Тогда зачем всё это?

– Потому что я не позволю использовать унижение Лиоры как естественный порядок вещей.

Кассия посмотрела на моё лицо.

– Вы говорите о себе так, будто Лиора умерла.

Запястье обожгло.

Я удержала руку неподвижно.

– После ритуала многое изменилось.

– Не настолько.

– Вы врач. Укажите медицинское основание.

Она отступила.

- Я выясню, что с вами произошло.
- После моего согласия на обследование.
- Вы не сможете вечно прятаться за договором.
- Я не прячусь. Я стою перед вами и называю условия.

Кассия несколько секунд молчала.

Затем произнесла:

- Райден не простит вам уничтожения щита.
- Сначала докажите, что его уничтожила Лиора.
- След её печати подтверждён.
- Форма подтверждена. Намерение никто не проверял.

На её лице мелькнуло что-то слишком быстрое.

Узнавание.

Не согласие.

Она уже слышала эту мысль.

Возможно, от Лиоры.

- Что? – спросила я.

– Ничего.

– Неправда.

Кассия отвернулась.

- На сегодня с меня достаточно ваших вопросов.

Она пошла по коридору.

Я не остановила.

Но теперь знала ещё один факт.

Слова о правильной форме без живого намерения не были для неё новыми.

Глава 7. Пустое кресло

К ужину мне прислали платье.

Тёмно-красное.

Я посмотрела на него, потом на Майру.

Она невозмутимо расправляла ткань на кровати.

– Нет.

– Я ещё ничего не сказала.

– Зато платье сказало достаточно.

Ткань была дорогой. Тяжёлый шёлк, глубокий цвет вина, серебряная вышивка по вороту и рукавам. На груди оставалось пустое место для родового знака.

Цвета Кернов.

После вчерашнего разговора с Кассией выбор выглядел либо глупостью, либо демонстрацией.

Я не собиралась выяснять, кто именно проявил инициативу.

– Что ещё есть?

– Серое.

– Какое?

– То, в котором вы были на совете.

– Ещё.

Майра вздохнула и открыла второй шкаф.

– Тёмно-зелёное без родовой вышивки.

– Подойдёт.

– Вы раньше носили его в доме Меррат.

Я провела ладонью по гладкой ткани.

– Тем лучше.

Майра посмотрела на меня через зеркало.

– Господин Керн может решить, что вы намеренно подчёркиваете происхождение.

– Я и происхожу из дома Меррат. По крайней мере, тело.

Последние два слова я произнесла тише.

Майра услышала.

Она уже несколько дней слышала слишком многое и пока никому не передала.

– Есть знак дома? – спросила я.

– Один сохранился.

Она открыла маленькую коробку.

Внутри лежала серебряная брошь в форме раскрытой книги.

Дом Меррат.

На внутренней стороне камня тускло мерцала тонкая линия.

Я не стала прикасаться сразу.

– Она магическая?

– Родовой знак. Подтверждает принадлежность к дому, но не даёт полномочий.

После истории с застёжкой Кассии это уточнение казалось необходимым.

– Надевайте.

Майра закрепила серебряную книгу у воротника.

В зеркале незнакомая женщина выглядела спокойной и собранной.

Тёмные волосы Майра предлагала уложить в сложную причёску. Я отказалась и оставила простую косу, перекинутую через плечо.

– На официальном ужине супруга главы дома обычно...

– Сегодня супруга главы дома обвиняется в огненной измене, пережила опасный ритуал и отказалась возвращаться в его спальню. Думаю, коса не станет главным нарушением протокола.

Майра поджала губы.

– Вы начинаете получать удовольствие от этих разговоров.

– Нет. Просто мне всё реже приходится подбирать вежливые формулировки.

Она застегнула последний крючок на спине.

– Сегодня в зале будут старшие офицеры, управляющие крепости и представители совета.

– Почему ужин официальный?

– После Бледной бури господин Керн собирает тех, кто отвечает за восстановление щита.

Обычно совещание продолжается за столом.

– Удобно. Люди одновременно едят и принимают решения.

– В Рейнгарде привыкли экономить время.

– Кроме времени, которое потребовалось, чтобы выслушать Лиору.

Майра замерла.

Я встретила её взгляд в зеркале.

– Простите.

– За что?

– Вы любили её.

– Люблю.

Она произнесла это без исправления времени.

Я отвернулась от зеркала.

– Тогда мне тем более не следовало использовать её как аргумент.

– Нет, госпожа. Следовало.

Майра разгладила несуществующую складку на моём плече.

– Просто не позволяйте им снова сделать из неё удобное молчание.

Марек ждал у двери.

Сегодня он был в парадной форме. Тёмная куртка, серебряные застёжки, меч на поясе.

При ходьбе он чуть сильнее обычного переносил вес на здоровую ногу.

Я заметила это только потому, что последние дни слишком часто смотрела, как люди двигаются.

– До большого зала далеко?

– Семь минут обычным шагом.

– Для меня?

– Десять.

– Значит, идём сейчас.

Он взглянул на знак Мерратов.

– Цвета Керн вам передали?

– Передали.

– Вы не надели.

– Наблюдательный человек.

– Это официальный ужин дома.

– Я официально остаюсь Меррат.

Марек не спорил.

Мы прошли через библиотечную галерею, потом поднялись на один уровень выше.

Чем ближе был большой зал, тем больше людей встречалось в коридорах.

Стражники.

Слуги с подносами.

Мужчины и женщины в военной форме.

Несколько человек поклонились мне. Некоторые сделали это с запозданием, заметив знак Мерратов. Другие отвели глаза.

Одна молодая служанка так резко отступила к стене, что едва не уронила корзину с полотенцами.

Я остановилась.

– Всё хорошо?

Она побледнела.

– Да, госпожа.

– Я вас напугала?

– Нет.

Ложь была очевидной, но вытягивать признание в коридоре не имело смысла.

– Тогда идите.

Девушка почти убежала.

– Она раньше служила в моих комнатах? – спросила я у Марека.

– Несколько раз.

– Боится меня или того, что с ней сделают за разговор со мной?

Он посмотрел вперёд.

– Не знаю.

– Вы часто отвечаете так, когда не хотите отвечать.

– Сейчас действительно не знаю.

Я поверила.

Не потому, что доверяла ему.

Потому что Марек уже показал: когда считал себя виновным, прятался за приказом недолго.

Большие двери в зал были открыты.

За ними слышались голоса, звон посуды и ровный гул глубинной жилы.

Мы остановились перед порогом.

Марек тихо сказал:

– Госпожа.

Я посмотрела на него.

– Что?

– После вашего отстранения порядок мест изменили.

– Насколько?

Он выдержал паузу.

– Увидите.

Это мне не понравилось.

Я увидела.

Большой зал Рейнгарда был рассчитан не на уют.

Высокий потолок поддерживали массивные арки. Между ними горели красные и серебряные руны. На стенах висели карты Предела, знамёна Кернов и военные щиты.

Посреди зала стоял длинный стол.

Райден сидел во главе.

Справа от него находилась Эстера.

Слева – Тейр.

Дальше располагались офицеры, управляющие и представители служб крепости.

Кассия сидела ближе к Райдену, чем большинство военных.

Не на месте супруги.

На месте советника.

На ней были цвета Вельсов. Зелёная ветвь в серебряном пламени виднелась у плеча.

Она выполнила распоряжение.

Но я смотрела не на Кассию.

Справа от Райдена, между его креслом и местом Эстеры, оставалось слишком много свободного пространства.

Следы на каменном полу показали почему.

Там раньше стояло кресло.

Его убрали.

Не перед сегодняшним ужином.

Давно.

Я остановилась в дверях.

Голоса стихали постепенно.

Сначала ближайшие люди заметили меня и поднялись. Затем движение пошло вдоль стола.

Райден тоже встал.

Его взгляд скользнул по тёмно-зелёному платью, серебряной книге Мерратов и простой косе.

Потом остановился на моём лице.

– Госпожа Меррат-Керн.

– Господин Керн.

Мне оставили место почти в середине стола.

Достаточно почётное для высокородной гостьи.

Недостаточное для законной супруги главы дома.

Я не пошла к нему.

– Где моё кресло?

Тейр первым нарушил тишину:

– Ваше место подготовлено.

Он указал на свободное кресло.

– Я вижу подготовленное место. Спрашиваю о другом.

Эстера положила ладонь на стол.

– После отстранения порядок был изменён.

– На каком основании?

– Вы лишены полномочий первого хранителя.

– Брак расторгнут?

Никто не ответил.

Я посмотрела на Райдена.

– Господин Керн?

– Нет.

– Суд признал меня виновной?

– Нет.

– Тогда почему кресло супруги убрали?

Эстера выпрямилась.

– Потому что человек, обвинённый в огненной измене, не может занимать почётное место у главы дома.

– Обвинённый или осуждённый?

– Магический след подтверждён.

– Это не ответ.

Тейр заговорил примирительно:

– Лиора, не стоит начинать ужин со спора о мебели.

– Это не мебель.

Я посмотрела на пустое пространство возле Райдена.

– Кресло показывает, кто имеет право находиться рядом с главой дома, говорить от его имени и участвовать в решениях. Его отсутствие показывает обратное.

– Вы отстранены от участия в управлении, – сказала Эстера.

– Частично. Временный договор уже восстановил моё участие в расследовании печати.

– Но не прежний статус.

– Тогда поставьте кресло и обозначьте ограничения отдельно.

Эстера побледнела.

– Вы хотите вернуть своё место рядом с Райденом?

Вот и удобная формулировка.

Превратить вопрос о статусе в ревность.

Я посмотрела на Кассию.

Она сидела неподвижно. Лицо профессионально спокойное, но пальцы слишком крепко держали нож.

Потом на Райдена.

– Нет.

В зале кто-то едва слышно вдохнул.

– Я хочу, чтобы до суда дом Керн прекратил изображать вину установленным фактом.

Тейр нахмурился.

– Кресло было убрано для предотвращения двусмысленности.

– Какой именно?

– Вы больше не исполняете обязанности супруги при совете.

– У супруги есть обязанности, которые исчезают до развода?

– Политические.

– Тогда лишение должно быть оформлено отдельным решением и не превращаться в публичное объявление преступницей.

– Вы уже отстранены решением совета.

– От печати. От архива. От средств. Я прочитала документ. В нём ничего нет о том, что место законной супруги должно быть физически убрано из зала.

Райден всё это время молчал.

Я повернулась к нему.

– Кто приказал убрать кресло?

Он ответил без паузы:

– Я.

Хорошо.

Не «совет решил».

Не «так потребовала безопасность».

Он.

– До суда?

– После обнаружения следа вашей печати на повреждённом узле.

– То есть до суда.

– Да.

– Почему?

Его взгляд стал холоднее.

– Я считал обвинение достаточно подтверждённым, чтобы ограничить ваше влияние.

– И решили показать это всему дому.

– Я хотел исключить возможность распоряжений от вашего имени.

– Для этого достаточно письменного приказа страже.

– Не для двора.

– Значит, вы хотели, чтобы двор видел отстранение.
Тишина стала плотнее.
Райден не спорил.
Я кивнула.
– Спасибо.
Его брови чуть сошлись.
– За что?
– За точный ответ.
Я повернулась к залу.
– Верните кресло.
Эстера резко сказала:
– Нет.
Райден посмотрел на мать.
Она продолжила:
– Это будет воспринято как отмена решения совета.
– Тогда объясните присутствующим, что возвращение кресла означает презумпцию невиновности, а не восстановление полномочий.
– Вы распоряжаетесь в доме Керн?
– Я требую исправить публичное унижение, совершённое до суда.
– Лиора, – начал Тейр.
– Госпожа Меррат-Керн, – поправила я.
Он замолчал.
Райден медленно поднял руку.
– Верните кресло.
Эстера повернулась к нему.
– Райден.
– Решение об отстранении сохраняется. Ограничения доступа сохраняются. Но брак не расторгнут и приговор не вынесен.
– Ты создаёшь опасный прецедент.
– Прецедент уже создан, когда я убрал его до суда.
Эстера сжала губы.
Двое слуг почти бегом вышли из зала.
Через минуту они вернулись с тяжёлым креслом, обитым тёмно-красной тканью.
Поставили справа от Райдена.
Тело Лиоры отозвалось мгновенно.
Тепло его плеча рядом.
Совместные документы на столе.
Её рука, лежащая на подлокотнике.
Короткий взгляд Райдена перед тем, как обратиться к совету.
Ожидание.
Годы ожидания.
Я медленно выдохнула.
Райден отодвинул кресло, освобождая мне место.
Весь зал ждал.
Кассия тоже.
Я прошла вдоль стола.
Не к нему.
Напротив Райдена оставалось кресло приглашённого советника. Его занимал пожилой управляющий, который уже поднялся, не дожидаясь просьбы.

– Госпожа.

– Благодарю.

Я села.

По залу прошёл едва заметный шорох.

Райден остался стоять.

– Вы требовали вернуть кресло.

– Да.

– И не собираетесь его занимать?

– Нет.

– Почему?

Я положила салфетку на колени.

– Потому что я потребовала вернуть не место возле вас.

Посмотрела на пустое кресло справа от него.

– Я потребовала прекратить объявлять женщину виновной до суда.

Никто не двигался.

– Старый порядок восстановлен, – продолжила я. – Моё личное решение сидеть там или здесь принадлежит мне.

Нэрис, стоявшая у бокового входа вместе с офицерами воздушной стражи, прикрыла рот чашкой.

Плечи у неё подозрительно дрогнули.

Райден сел.

– Начинайте ужин.

Первые десять минут слышался только звон приборов.

Мне подали запечённое мясо, овощи и тёмный хлеб. Есть не хотелось, но Вейр запретил мне снова заменять еду чаем.

Я заставила себя сделать несколько глотков воды и попробовать мясо.

За столом постепенно заговорили.

Сначала о состоянии башен.

Потом о запасах.

Один из офицеров сообщил, что северо-восточный участок щита держится, но внутренние руны Рейнгарда теряют устойчивость.

– Сколько погасло за день? – спросил Райден.

– Семь.

– Вчера?

– Три.

– Расположение?

Офицер перечислил участки.

Я записывала на листе рядом с тарелкой.

Райден заметил.

– Что?

– Пока ничего.

– Вы записываете.

– Потому что цифры забываются.

– У вас нет доступа к внутренним схемам.

– И я их не прошу.

Он вернулся к разговору.

Через несколько минут управляющий крепости сообщил о перебоях отопления в западном крыле.

Я подняла глаза.

- Только западном?
- Нет, госпожа. Ещё на нижнем уровне и в старой оружейной галерее.
- Порядок отключения известен?
- Магия не отключается по порядку.
- Я спросила, какие линии погасли первыми.

Он замялся.

Райден посмотрел на него.

- Ответьте.
 - Сначала северная бытовая ветвь. Потом две защитные. Затем отопление.
 - Вчера в моих бывших комнатах было холодно до новой Бледной бури, – сказала я.
- Эстера отложила прибор.
- Это уже объясняли ограничением доступа.
 - Значит, та линия погасла не сама.
 - Её уменьшили решением совета.
 - А остальные?

Управляющий покачал головой.

- Остальные никто не отключал.

Я записала.

Линия, которую намеренно ограничили, могла скрыть рядом случайное повреждение.

Или не случайное.

Нужно было проверить позже.

Разговор перешёл к поставкам.

Дом Ордин задержал две партии защитных пластин.

Название заставило меня поднять голову.

- Насколько?

Офицер посмотрел на Райдена.

- Четыре дня.
- Причина?
- Повреждение дороги после бури.
- Путь проходит через земли Роэн?
- Последний участок.

Я записала и это.

Ордин.

Роэн.

Пока просто названия.

Никаких выводов.

На противоположной стороне Кассия обсуждала с Эраном восстановление третьей башни. Она говорила коротко, профессионально, без вчерашней личной резкости.

- Если увеличить поток от южной жилы, мы выиграем шесть часов, – сказала она.
- И потеряем часть целебного контура, – ответил Эран.
- На шесть часов.
- Люди в лечебнице не перестанут болеть на шесть часов.
- Если падёт башня, больных станет больше.

Райден вмешался:

- Есть третий вариант?

Кассия покачала головой.

- Не без второго хранителя.

Несколько взглядов повернулись ко мне.

Я положила вилку.

– Что именно потребуется?
– Ничего сегодня, – сказал Райден.
– Я спрашивала госпожу Вельс.
Кассия посмотрела на него, потом на меня.
– Возможно, временное открытие восстановительной линии. Но после реакции на диагностическую нить я не рекомендую проверять её без подготовки.
– Значит, сегодня не требуется.
– Нет.
– Тогда продолжайте искать третий вариант.
Она кивнула.
Без спора.
Это было почти неожиданно.
Слуга справа от меня менял тарелку, когда под ногами прошёл толчок.
Не сильный.
Чашка с водой дрогнула.
Красное вино в бокале Тейра качнулось до края.
Кто-то усмехнулся:
– Жила снова жалуется.
Несколько человек даже не прекратили разговор.
Значит, слабые толчки здесь случались.
Я посмотрела на стены.
Руны продолжали гореть.
Все, кроме одной.
Слева от главного входа серебряная линия над высокой каменной аркой стала серой.
Погасла.
Не мигнула.
Не ослабла постепенно.
Просто исчезла.
Я встала.
– Отойдите от стены.
Ближайшие люди замолчали.
Марек, стоявший у колонны, повернулся ко мне.
– Госпожа?
– Людей от левой арки. Сейчас.
Он посмотрел на стену.
Не увидел причины.
Райден уже поднялся.
– Что вы заметили?
– Руна над аркой погасла.
Он перевёл взгляд.
– Марек.
Но капитан уже двигался.
– Освободить левую сторону зала. Без паники. К центру.
Он не ждал подтверждения.
Двое стражников сразу повторили приказ.
Люди поднялись.
Стулья закрипели по камню.
Эстера осталась на месте.
– Это обычное колебание.

– Нет, – сказала я.
– Откуда вам знать?
Потому что я видела, как ведёт себя правильная линия.
И как ощущается пустая.
Над аркой ничего не было.
Не слабая магия.
Отсутствие.
– Не знаю. Поэтому лучше отойти.
Райден подошёл к арке.
Я резко сказала:
– Не туда.
Он остановился.
Повернул голову.
– Я проверю контур.
– Издалека.
– Я Хранитель.
– И если на вас упадёт половина стены, должность не поможет.
У Нэрис вырвался короткий смешок.
Никто больше не оценил.
Райден поднял правую ладонь.
Красно-серебряная печать проступила сквозь перчатку.
Воздух вокруг арки дрогнул.
Серебряные линии на соседних камнях вспыхнули.
Погасшая руна осталась мёртвой.
На правом запястье появилась боль.
Не сильная.
Точная.
Я увидела трещину раньше, чем услышала.
Тонкая чёрная линия прошла по верхнему камню.
– Райден.
Он уже заметил.
– Всем назад!
На этот раз голос ударил по залу.
Люди отступили.
Трещина раскрылась.
Камень хрустнул.
Арка просела.
Огромный обломок сорвался вниз туда, где минуту назад сидели трое офицеров и слуга.
Райден выбросил руку.
Перед падающим камнем вспыхнул красно-серебряный щит.
Удар прогремел так, что зал качнулся.
Камень раскололся о магическую преграду.
Осколки разлетелись по полу.
Один ударился в стол.
Другой пробил спинку пустого кресла супруги.
Красная ткань лопнула.
В зале стало тихо.
Щит исчез.
Райден опустил руку.

На его виске выступили серебряные линии.
– Вывести всех из зала, – сказал он.
Марек уже открывал противоположные двери.
– По двое. Без остановок. Офицеры помогают слугам. Северный коридор свободен.
Он отдавал распоряжения быстро и ясно.
И ни разу не посмотрел на Райдена за подтверждением.
Люди подчинились.
Я отошла от стола, но не направилась к выходу.
Погасшая руна над разрушенной аркой притягивала взгляд.
Под ней проходила тонкая серебряная линия.
Она не исчезла полностью.
Один конец продолжал светиться.
Другой обрывался возле бокового коридора.
Как провод.
– Госпожа, – Марек оказался рядом. – Выход.
– Эта линия куда ведёт?
– Сейчас не время.
– Капитан.
Он посмотрел на стену.
– За аркой проходит старый защитный контур жилого крыла.
– Какого?
– Западного.
Райден подошёл к нам.
– Уходите.
– Вы видите линию?
– Вижу.
– Она не перегорела здесь.
– Проверим после эвакуации.
Правильно.
Я кивнула.
– Идём.
На пороге я оглянулась.
Пустое кресло справа от места Райдена стояло под слоем каменной пыли.
Спинка была пробита осколком.
Странная компенсация.
Его вернули в зал меньше часа назад.
И оно снова оказалось разрушено.
Нас перевели в соседнюю галерею.
Эран проверял тех, кого задело каменной крошкой. Серьёзных ран не было.
Слуга, стоявший у арки, сидел на скамье и дрожал. На щеке у него была царапина.
Я присела рядом.
– Болит?
Он резко поднялся.
– Нет, госпожа.
– Сядьте. Это не приказ. Просто у вас ноги дрожат.
Он сел.
Эран передал ему ткань для щеки.
– Вы заметили руну первой? – спросил Райден за моей спиной.
Я встала.

- Да.
- Почему?
- Она погасла иначе, чем остальные.
- Вы уже видели, как гаснут защитные линии?
- Только отдельные руны после ритуала и в жилом крыле.
- Тогда на чём основан вывод?
- На том, что правильная магия хоть как-то отвечает. Эта просто исчезла.
- Райден посмотрел на разрушенный вход.
- То же ощущение, что в договоре?
- Нет. В договоре форма оставалась, а намерения не было. Здесь не было самой работы.
- Вы можете определить причину?
- Нет.
- Направление?
- Я вспомнила серебряную линию.
- Западное крыло.
- Райден повернулся к Мареку.
- Закрывать старый жилой коридор. Никого не впускать до проверки.
- Да.
- Капитан ушёл сразу.
- Без взгляда на совет.
- Без ожидания второго приказа.
- Я посмотрела ему вслед.
- Райден заметил.
- Что?
- Раньше он ждал вашего подтверждения.
- Теперь получил полномочие действовать при угрозе.
- Временный договор?
- В том числе.
- Значит, документы иногда улучшают людей.
- Марек и раньше был хорошим капитаном.
- Хороший капитан может исполнить плохой приказ.
- Райден помолчал.
- Да.
- Одно короткое слово.
- Не спор.
- Не оправдание.
- За последние дни он начал делать это всё чаще.
- Мне не нравилось, что я замечала.
- В покои я вернулась поздно.
- Ужин закончился супом, который Майра принесла прямо в рабочую комнату.
- Ешьте.
- Вы сегодня особенно убедительны.
- Потому что слышала, как рухнула арка.
- Я взяла ложку.
- Никто серьёзно не пострадал.
- Потому что вы заметили руну.
- Потому что Марек быстро вывел людей, а Райден удержал камень.
- Майра поставила рядом хлеб.
- Раньше вы сказали бы, что вам просто повезло.

Я посмотрела на неё.

– Лиора?

– Да.

– Возможно, ей стоило чаще записывать распределение ответственности.

– Не думаю, что она знала такие слова.

– Смысл знала.

Я съела несколько ложек.

Майра не уходила.

Стояла у окна и теребила край фартука.

Непривычно.

– Что?

– Погасшая руна.

Я отложила ложку.

– Что с ней?

– Капитан Дарн сказал, линия идёт в старое западное крыло.

– Я знаю.

– Он сказал куда именно?

– Нет.

Майра медленно повернулась.

– Я знаю.

В комнате стало тише.

– Куда?

Она подошла к столу.

– Эта линия проходит над входом в ваши прежние комнаты.

Мои пальцы остановились на краю чашки.

– Те, куда переселили Лиору после отстранения?

– Нет.

Майра покачала головой.

– Старше.

– Объясните.

– До брака, когда вы впервые приехали в Рейнгард как представитель дома Меррат, вам дали комнату в западном архивном крыле. После свадьбы её закрыли. Позже вы иногда возвращались туда работать.

Я вспомнила ключ.

Тяжёлый, потемневший металл.

Лиора просила передать его только тому, кто перестанет просить Райдена о любви.

– У комнаты обычный замок?

Майра посмотрела на меня.

Теперь она тоже поняла.

– Старый.

– Не магический?

– Внутренняя печать там есть. Но дверь открывается ключом.

Я встала.

Правое запястье отозвалось короткой болью.

– Где ключ, госпожа? – спросила Майра.

Я посмотрела на закрытую дверь рабочей комнаты.

На стену, за которой Рейнгард продолжал гудеть повреждёнными жилами.

– У меня.

Майра побледнела.

– Тогда Лиора знала, что однажды нам придётся туда вернуться.

Глава 8. Память под замком

До старой комнаты Лиоры мы дошли после полуночи.

Спать после рухнувшей арки никто не предлагал.

Райден закрыл западное архивное крыло сразу после ужина. В коридорах появились дополнительные посты, а мастер рун проверял защитные линии одну за другой. Погасшая ветвь действительно вела сюда, но дальше начиналась путаница старых контуров, которые перестраивали несколько раз после Восточной войны.

Поэтому я шла с ключом в кармане.

Рядом был Марек.

Майра осталась в моих покоях.

Райден ждал у входа в закрытый коридор.

– Вы не обязаны идти дальше сегодня, – сказал он.

– Это предложение?

– Да.

Прогресс.

– Тогда отклоняю.

Он посмотрел на меня, но спорить не стал.

Нэрис стояла возле стены, сложив руки на груди.

– Я бы тоже отклонила.

– Тебя никто не спрашивал, – сказал Райден.

– Поэтому ответ особенно ценен.

Он проигнорировал сестру.

Марек открыл первую защитную дверь.

За ней воздух оказался холоднее.

Не просто прохладный камень.

Отсюда словно медленно вытягивали тепло.

На правом запястье возникло знакомое натяжение.

Райден заметил, как я коснулась рукава.

– Печать?

– Пока только давление.

– Если усилится, скажите.

Не «мы возвращаемся».

Скажите.

Я кивнула.

Коридор был узким и давно не использовался. Серебряные линии под потолком горели через одну. На полу лежала пыль, но у стен виднелись свежие следы мастеров, которые прошли здесь после обрушения арки.

Мы миновали две запертые двери.

Третья стояла в конце коридора.

Тёмное дерево.

Обычный металлический замок.

Над ним в камень была вписана тусклая серебряная печать Мерратов.

Раскрытая книга.

Тело узнало комнату.

Я остановилась.

Не воспоминание.

Сначала только ощущение.

Безопасность.

Такое тихое и неожиданное, что я не сразу поняла, почему перестала слышать шаги остальных.

Потом пришёл короткий фрагмент.

Стол под окном.

Чернила на пальцах.

Лиора сидит на полу среди раскрытых книг, потому что стул завален документами.

Кто-то стучит.

Она быстро закрывает папку.

Видение исчезло.

– Что вы увидели? – спросил Райден.

– Комнату.

– Какую?

– Эту. До того, как открыла.

Нэрис перестала улыбаться.

Я достала ключ.

Металл был холодным.

Марек шагнул вперёд.

– Сначала проверка.

– Чем?

– На ловушку.

Логично.

Я передала ему ключ.

Он осмотрел металл, затем поднёс к замку, не вставляя. Серебряная линия над дверью не отреагировала.

– Магической защиты на ключе нет.

– А на двери?

– Старая личная печать.

Райден приблизился.

– Лиоры?

Марек посмотрел на знак.

– Похоже на Мерратов.

– Именно её?

– Я не определяю.

Я протянула руку.

– Можно я?

Райден посмотрел на меня.

– Вы хотите проверить печать?

– Хочу понять, отзывается ли она.

– Не входите в неё глубоко.

– Не собиралась.

Я коснулась серебряной книги одним пальцем.

Тепло.

Мягкое, почти домашнее.

Рисунок вспыхнул и сразу погас.

Замок щёлкнул сам.

Марек медленно повернул голову ко мне.

– Кажется, ключ больше не нужен.

– Может, Лиора любила перестраховываться.

Я всё равно вставила его.

Повернула.

Дверь открылась.

Комната была маленькой.

Настолько, что я не сразу поняла, зачем высокородной представительнице одного из великих домов понадобилось здесь работать.

Узкое окно.

Стол.

Два шкафа.

Кушетка у стены.

Полки до потолка.

Никакой роскоши.

Никаких цветов Кернов.

Даже на старом ковре под ногами была серебряная книга Мерратов.

Лиора получила эту комнату до брака.

И, судя по тому, как отозвалось тело, действительно возвращалась сюда позже.

Райден остановился на пороге.

– Я не знал, что она продолжала пользоваться этим помещением.

– Вы знали, что комната существует?

– Да.

– Ключ у вас был?

– Нет.

– У совета?

– Не должен был быть.

– Это не то же самое, что «не было».

Он коротко посмотрел на меня.

– Нет. Не то же самое.

Нэрис прошла к окну.

– Я вообще считала, что здесь хранят старые реестры.

– Именно так и было указано в плане крыла, – сказал Марек.

Я подошла к столу.

На поверхности лежал толстый слой пыли.

Но не везде.

В правом углу виднелся чистый прямоугольник.

Отсюда что-то забрали.

Недавно или несколько недель назад.

– Никто ничего не трогает, – сказала я.

Нэрис подняла бровь.

– Даже Райден?

– Особенно Райден.

Он не возразил.

Я осмотрела полки.

Часть книг была обычными справочниками по архивному праву. Названия я понимала с трудом, но отдельные слова узнавались благодаря телесной памяти.

Договоры.

Территориальные печати.

Свидетельские нормы.

История Восточного Предела.

На нижней полке книги стояли слишком плотно.

Я провела пальцами по корешкам.
Одна не двигалась.
Потянула сильнее.
Ничего.
– Марек.
Он подошёл.
– Что?
– Эта книга прикреплена.
Он наклонился.
– Не книга.
Нэрис оказалась рядом мгновенно.
– Рычаг?
– Возможно.
Райден осмотрел стену над полкой.
– Отойдите.
Я не спорила.
Марек тоже.
Райден коснулся края фальшивого корешка двумя пальцами.
– Механизм старый. Без активной магии.
– Тогда почему вы просите отойти?
– Потому что люди, которые прячут документы, иногда защищают их железом.
– Хорошая традиция.
Он дёрнул корешок.
Внутри шкафа что-то щёлкнуло.
Никакой стрелы не вылетело.
Вместо этого узкая боковая панель отъехала на несколько сантиметров.
За ней оказалась металлическая дверца.
Обычная.
С маленькой замочной скважиной.
Я достала ключ Майры.
Подошёл.
– Вот теперь впечатляет, – сказала Нэрис.
Я повернула ключ.
Дверца открылась.
Внутри лежали четыре предмета.
Тонкая папка.
Свёрнутая карта.
Небольшая металлическая пластина.
И сложенный лист бумаги.
Я смотрела на них несколько секунд.
Лиора спрятала это до обвинения.
Не в супружеских покоях.
Не в основном архиве.
В комнате, о которой Райден почти забыл.
– Не трогайте, – сказал он.
Я повернула голову.
– Почему?
– Сначала проверка на мёртвое стекло и ловушки.
– Это разумно.

Его выражение на мгновение изменилось.
Кажется, он ожидал спора.
Марек принёс мастера рун из коридора.
Тот проверил тайник серебряной рамкой и тонким каменным стержнем.
– Активного мёртвого стекла нет. Следов вредящей печати тоже.
– Следы прежней магии? – спросила я.
– Есть. Личная печать Мерратов. Слабая дорожная. Ещё несколько остаточных откликов, слишком старых для определения.
– Можно брать?
– Да.
Я первой достала папку.
Райден протянул руку.
– Передайте мне.
– Нет.
– Это материалы, спрятанные обвиняемой в огненной измене на территории дома Керн.
– И обнаружены они благодаря ключу, который оставила та же обвиняемая.
– Это не меняет их статус.
– Меняет порядок доступа.
– Госпожа Меррат-Керн.
– Господин Керн.
Нэрис вздохнула.
– Я начинаю скучать по времени, когда люди просто дрались.
Райден не отвёл от меня взгляда.
– Я обязан изъять материалы.
– А я имею право изучать доказательства по временному договору.
– В архивной комнате.
– Тогда перенесём всё туда вместе.
– Сначала я должен проверить, не содержат ли они сведений о щите.
– Проверите при мне.
– Это закрытые документы дома.
– Мы не знаем, что внутри.
– Именно поэтому...
– Именно поэтому никто не получает их единолично.
Он замолчал.
Я продолжила спокойнее:
– Лиора спрятала документы там, куда, по вашим словам, вы не заходили. После её отстранения часть личных материалов исчезла. В текущий договор уже пытались встроить скрытое условие. Если вы заберёте находку сейчас, я должна буду поверить, что она дойдёт до архива без изменений.
– Вы считаете, что я их подменю?
– Я считаю, что возможность должна быть исключена для всех. Включая меня.
Райден посмотрел на Марека.
– Фиксируйте каждый предмет.
Капитан достал записную книжку.
– Да.
– После этого материалы изучаем вместе.
Я кивнула.
– Принимается.
Это уже становилось нашей формой мира.

Не доверие.
Процедура, которая пока заменяла его.
Мы начали с папки.
Внутри оказался список поставок.
Строки были написаны рукой Лиоры.
Я узнала почерк по хозяйственным заметкам.
Дата.
Поставщик.
Заявленный груз.
Вес.
Точка входа в Рейнгард.
Часть записей была помечена маленькими кружками.
– Ордин, – сказала я.
Райден наклонился ближе.
Дом Ордин повторялся почти в каждой второй строке.
Медицинское стекло.
Защитные пластины.
Металлические детали для башен.
Инструменты.
Внизу Лиора сделала подсчёты.
Я провела пальцем вдоль колонок.
– Вес не совпадает.
– С чем? – спросил Марек.
– С заявленным грузом.
– Вы понимаете местные меры?
– Не все. Но сложение не меняется от мира.
Нэрис наклонилась через моё плечо.
– Здесь разница почти в треть.
– Именно.
Райден взял копию старого реестра с полки и быстро сверил несколько строк.
– Эти поставки проходили через западные ворота.
– Кто их принимал?
– Служба снабжения.
– Под чьим управлением?
– Управляющего крепостью. Военные грузы дополнительно проверяет гарнизон.
– Имя позже.
Я указала на следующий столбец.
– Смотрите даты.
Три поставки приходились на дни перебоев зеркальной связи.
Ещё две – перед повреждением защитных узлов.
Совпадение.
Пока только совпадение.
– Лиора отметила именно эти строки, – сказала я.
Райден взял второй документ.
Карта.
Не всей крепости.
Только западного крыла.
На ней тонкими линиями были отмечены комнаты, коридоры и защитные ветви.
В нескольких местах Лиора поставила кресты.

Один находился почти точно у старой комнаты.

Другой – ниже.

Глубже под крепостью.

Райден нахмурился.

– Там расположен нижний узел.

– Тот, который восстанавливает защитные линии?

– Один из них.

– Кто имеет доступ?

– Первый хранитель. Глава дома. Мастер узла. В чрезвычайной ситуации – Эстера и

Нэрис.

Нэрис подняла руку.

– Использовала доступ дважды за десять лет.

– Лиора тоже могла войти?

– До отстранения, – сказал Райден.

Я посмотрела на крест.

– Значит, она могла проверить его сама.

– Если знала, что искать.

Следующим оказался металлический знак.

Размером с половину ладони. Тёмное серебро, два пересекающихся белых пути.

Роэн.

Я узнала символ по миру и по тому, что тело отозвалось коротким беспокойством.

– Дорожная печать?

Марек кивнул.

– Переносной знак подтверждённого маршрута.

– Что он делает?

– Позволяет открыть дорожный узел на маршруте, зарегистрированном домом Роэн.

– Он именной?

– Обычно да.

Райден перевернул пластину.

На обратной стороне серебрился ряд знаков.

– Регистрационная запись повреждена.

– Мёртвым стеклом?

– Не обязательно.

Я коснулась пластины.

Холод.

Не такой, как возле мёртвого стекла.

Скорее отсутствие привычного тепла печати.

И снова фрагмент памяти.

Ночная дорога.

Лошадь нервно переступает под седлом.

Женщина в тёмном плаще протягивает Лиоре эту пластину.

Лица не видно.

Только голос:

«Если отчёт попадёт к ним раньше, чем вы поймёте маршрут, мы обе окажемся виноваты».

Я отдёрнула пальцы.

– Видение?

Райден стоял рядом.

– Да.

- Кто?
 - Женщина. Не видела лица.
 - Что сказала?
 - Я повторила.
 - Марек записал дословно.
 - Райден смотрел на знак.
 - Это может быть тот иностранный посредник.
 - Может. А может быть человек, которого так называли позже.
 - Встреча Лиоры подтверждена.
 - Я не отрицаю встречу.
 - Она солгала о ней.
 - И это всё ещё не доказывает огненную измену.
 - Он сжал челюсть.
 - Я знаю.
 - Слишком короткий ответ.
 - Но раньше он сказал бы больше.
 - Защитил бы старый вывод.
 - Теперь только признал границу доказательства.
 - Последним был сложенный лист.
 - Фрагмент финансового документа.
 - Верхняя половина отсутствовала.
 - Остались сумма, дата, часть банковского знака и строка назначения.
 - Сольвейский банк.
 - Тот самый перевод? – спросила я.
 - Райден взял официальный перечень обвинений из своей папки.
 - Сравнил дату.
 - Нет.
 - Почему?
 - Перевод, предъявленный Лиоре, состоялся через три дня.
 - А этот?
 - Раньше.
 - Я поднесла лист ближе к свету.
 - В строке назначения сохранились несколько слов.
 - «...за хранение груза...»
 - И номер.
 - Тот же номер стоял возле одной из поставок Ордина.
 - Я показала Райдену.
 - Он посмотрел на список.
 - Потом на документ.
 - Совпадает.
 - Значит, финансовый след мог относиться не к оплате посреднику, а к грузу.
 - Это другой перевод.
 - Пока другой. Но один и тот же маршрут может иметь несколько платежей.
 - Марек записал.
 - Нэрис присела на край стола.
 - Итак, Лиора нашла странные грузы Ордина, дорожную печать Роэнов и платёж из Соль-
- вея.
- И спрятала всё, вместо того чтобы принести Райдену, – сказал Марек.
 - Не обвиняя.

Просто факт.
Райден промолчал.
Я тоже.
Потому что этот вопрос оставался.
Почему Лиора скрывала расследование от собственного мужа?
Мы знали часть ответа.
Она не доверяла его совету.
Но не всю.
Я вернулась к папке.
Между последним листом и обложкой лежала узкая полоска бумаги.
Настолько тонкая, что сначала я приняла её за часть переплёта.
На ней было написано всего одно предложение.
Почерк Лиоры.
«След верен по форме, но в нём нет выбора».
Я перечитала дважды.
Потом подняла глаза.
Райден уже смотрел на меня.
– Это то, что вы почувствовали в договоре.
– Да.
– И в ритуале.
– Похоже.
Он взял полоску только после того, как я положила её на стол.
Прочитал.
– Лиора знала.
– Она подозревала.
– Она знала принцип.
– Это не одно и то же.
Нэрис посмотрела на брата.
– Но достаточно, чтобы спросить, почему никто не проверил её версию.
Райден не ответил.
За него заговорил Марек:
– Такой способ проверки не используется Палатой. Подлинность следа устанавливают сравнением формы и магического рисунка.
– То есть система проверяет, похожа ли подпись, – сказала я. – А не то, кто её поставил и при каких обстоятельствах.
– У печати сложнее структура.
– Принцип тот же.
Райден положил записку рядом со списком поставок.
– Нужно проверить нижний узел.
– Сейчас?
– Погасшая линия ведёт туда. Лиора отметила его на карте. После обрушения арки ждать до утра нет смысла.
– Кто идёт?
– Я. Вы. Марек. Мастер узла.
– Нэрис?
– Останется наверху и закроет внешнюю линию, если что-то пойдёт не так.
Сестра усмехнулась.
– Как приятно быть необходимой.
– Вы всегда можете отказаться, – сказала я.

Нэрис посмотрела на меня.
– Вот поэтому вы ему и не нравитесь.
Райден сухо произнёс:
– Нэрис.
– Я сказала «не нравитесь». Не «не интересуете».
Тишина стала неожиданно неудобной.
Я взяла карту.
– Идём к узлу.
Спуск начинался за старым архивом.
Две лестницы вниз.
Потом узкий проход, где приходилось идти по одному.
Чем глубже мы спускались, тем сильнее становился гул жилы.
На нижнем уровне он уже ощущался в зубах.
Воздух пах железом и горячим камнем.
Мастер узла, седой мужчина с обожжёнными пальцами, встретил нас у последней двери.
– Внешняя линия нестабильна, господин Керн.
– Насколько?
– Потеря около двенадцати частей из сотни. После обрушения арки выросла ещё на две.
– След вмешательства?
– Не нахожу.
Я посмотрела на дверь.
В её центре находилось два углубления для ладоней.
Одно красное.
Другое серебряное.
– Для входа нужны двое?
Мастер кивнул.
– Глава дома и второй хранитель.
– Лиора открывала эту дверь?
– Раньше часто.
– Одна?
– Нет.
Я повернулась к Райдену.
– С вами?
– Да.
Телесная память немедленно принесла ответ.
Ладонь на холодной пластине.
Его рука рядом.
Тепло проходит под кожу.
Райден говорит: «Не торопись. Сначала пусть линии соединятся».
Это воспоминание оказалось слишком ясным.
Я посмотрела на углубления.
– Что произойдёт при контакте?
Райден ответил:
– Печати войдут в совместный контур. Мы будем ощущать нагрузку друг друга сильнее, чем при обычной проверке.
– Насколько сильнее?
– Я не знаю, как отреагирует изменённая связь.
– Боль?
– Возможна.

- Память?
- Возможно.
- Можно разорвать контакт?
- Да.
- Сразу?

Он встретил мой взгляд.

- Если вы уберёте руку, я отпущу.

Не «дверь закроется».

Не «нельзя».

Сначала мой вопрос.

- Хорошо.

Я подошла к пластине.

Райден снял правую перчатку.

Территориальная печать проступила на его ладони красно-серебряным рисунком.

Я закатала рукав.

Повреждённая линия на запястье отозвалась теплом.

- Только открываем дверь, – сказала я.
- Только открываем дверь.
- Не используете связь для проверки памяти.
- Нет.
- Не пытаетесь удержать контакт, если я отдёрну руку.
- Нет.

Мастер узла смотрел на нас так, словно никогда не слышал столько условий перед обычным открытием двери.

Мне было всё равно.

Я положила левую ладонь в серебряное углубление.

Райден – правую в красное.

Сначала ничего не произошло.

Потом металл нагрелся.

Серебряная линия прошла от моей ладони к его.

Красная двинулась навстречу.

Они встретились в центре.

И мир стал слишком близким.

Я услышала вдох Райдена так отчётливо, будто его грудь находилась под моей ладонью.

Почувствовала жар его кожи.

Тяжесть в левом плече.

Старую боль.

Глубокую, тянущую, знакомую его телу настолько, что оно почти перестало на неё реагировать.

Повреждённое крыло.

Не моё знание.

Его ощущение.

Одновременно Райден резко вдохнул.

- Что?
- Ваше запястье.
- Что с ним?
- Боль сильнее, чем вы показываете.
- Я посмотрела на наши руки.
- Печать передаёт ощущения?

– Часть.
Следующий отклик оказался хуже.
И лучше.
Тело Лиоры узнало его.
Не абстрактно.
Не вспышкой памяти.
Глубоко.
Рука рядом была знакомой.
Тепло – знакомым.
Даже расстояние между плечами казалось неправильным, потому что когда-то они стояли ближе.
В груди возникло желание сократить это расстояние.
Я застыла.
Райден повернул голову.
Серые глаза стали светлее.
Его дыхание изменилось.
Не только я чувствовала слишком много.
Серебряно-красная линия между ладонями вспыхнула ярче.
Тепло поднялось по руке.
К шее.
К лицу.
Я ненавидела, что заметила его рот.
Ещё сильнее ненавидела то, что тело уже знало, каково касаться его.
Я отдернула руку.
Райден убрал свою в тот же миг.
Ни секунды задержки.
Свет погас.
Я сделала шаг назад.
Потом ещё один.
В груди всё ещё было тесно.
– Не приближайтесь.
Он остался на месте.
– Хорошо.
Мастер узла кашлянул.
– Дверь не открылась полностью.
– Подождёт, – сказал Райден.
Я прислонилась спиной к холодной стене.
Сосчитала четыре вдоха.
Потом ещё четыре.
Телесный отклик постепенно ослаб.
Мой собственный остался.
И это оказалось неприятнее.
Потому что его уже нельзя было полностью списать на Лиору.
Не сейчас.
Я посмотрела на Райдена.
Он стоял возле двери, не надевая перчатку.
Не приближался.
Не спрашивал, что именно я почувствовала.
– Моё тело вас помнит, – сказала я.

– Я знаю.
– Нет. Вы знаете слова. Я хочу, чтобы смысл был абсолютно ясным.

Он повернулся ко мне всем корпусом.

– Говорите.

– Реакция этого тела на вас не является моим согласием.

– Да.

– Даже если печать усиливает желание.

– Да.

– Даже если вам покажется, что я хочу продолжить.

– Я спрошу.

– А если я отстранюсь?

– Остановлюсь.

Ответы были быстрыми.

Без раздражения.

Без попытки объяснить, что я говорю очевидное.

– Хорошо.

Я оттолкнулась от стены.

– Попробуем ещё раз.

Райден нахмурился.

– Не обязательно сейчас.

– Погасшая линия ухудшается.

– Мастер сможет удержать её до утра.

Седой мужчина неуверенно кивнул.

– Вероятно.

– Мне не нравится слово «вероятно», – сказала я.

– Мне тоже, – ответил Райден. – Но это не причина заставлять себя продолжать контакт.

Я посмотрела на него.

Вот этого я не ожидала.

Не от мужчины, который несколько дней назад участвовал в процедуре моего развода, пока я кричала «нет».

Возможно, именно поэтому его нынешняя осторожность действовала сильнее, чем должна была.

– Я не заставляю себя. Теперь знаю, чего ожидать.

– Уверены?

– Да.

Он не двинулся.

– Скажите ещё раз.

Я почти усмехнулась.

– Я добровольно согласна открыть нижний узел вместе с вами. Только для доступа и проверки повреждения.

– Хорошо.

Мы вернулись к двери.

На этот раз я была готова.

Ладони легли в углубления.

Тепло пришло снова.

Боль Райдена.

Моя.

Слишком отчётливое дыхание.

Тяга, заставившая напрячь пальцы.

Я не убрала руку.
Сосредоточилась на линии.
На задаче.
Серебро и красный свет соединились.
Замок глубоко внутри стены начал открываться.
Один поворот.
Второй.
Третий.
Дверь отступила.
За ней оказался круглый зал.
И сразу стало холодно.
– Назад, – сказал Райден.
Не мне одной.
Всем.
На дальней стороне узла что-то двигалось.
Не человек.
Сначала я увидела только силуэт.
Примерно человеческий рост.
Две руки.
Голова.

Но очертания запаздывали за движением, словно тело и его тень существовали в разном времени.

Красные огни у двери погасли.
– Бесцветник, – произнёс мастер.
Существо повернулось.
Лица не было.
Только бледное пятно.
Потом оно сказала:
– Лиора.
Моим голосом.
Холод ударил по груди.
Райден шагнул передо мной.
– За щит.
Красно-серебряная стена вспыхнула между нами и существом.
Бесцветник рванулся вперёд.
Удар пришёлся в щит.
Свет дрогнул.
Райден стиснул зубы.
На его ладони вспыхнула печать.
– Марек, вывести мастера.
Капитан схватил седого мужчину за плечо и потянул к лестнице.
Я осталась.
Райден заметил.
– Назад.
– Вы не видите линию.
– Какую?
Я смотрела не на бесцветника.
На узел.
По полу проходило семь серебряных ветвей. Шесть светились слабо, но равномерно.

Седьмая выглядела правильно.
И была пустой.
Та же неподвижность.
Та же форма без живого ответа.
Она вела прямо к месту, откуда бесцветник появился.
– Там подмена.
– Где?
Я указала.
– Третья линия слева. Она не работает. Она только изображает контур.
Райден бросил взгляд.
– Я вижу целую печать.
– Именно. Она слишком целая.
Бесцветник снова ударил.
Щит прогнулся.
Из носа Райдена пошла тонкая кровь.
– Что делать?
Вопрос был обращён ко мне.
Не приказ.
– Если пустая линия прикрывает разрыв, нужно ударить не по существу.
– А по ней.
– Да.
– Если вы ошибаетесь, мы откроем жилу.
– Знаю.
Ещё удар.
Красный свет у ног Райдена треснул.
Я посмотрела на семь ветвей.
Шесть отзывались на его силу.
Седьмая принимала свет и ничего не возвращала.
Пустота.
За ней холод.
– Я не ошибаюсь.
Райден протянул левую руку.
– Тогда покажите точно.
Я шагнула к нему.
Не к телу.
К ладони.
– Прикосновение нужно?
– Чтобы направить удар. Без связи я не увижу то, что чувствуете вы.
– Только направление.
– Только направление.
Я вложила пальцы в его ладонь.
На этот раз не было времени замечать тепло.
Связь вспыхнула.
Мир сразу стал резче.
Я увидела его силу как давление, готовое сорваться вперёд.
– Не туда.
Райден удержал.
Я направила его внимание ниже.
К серебряной линии.

– Здесь.
Пустота отозвалась металлическим вкусом.
Голову пронзила боль.
Перед глазами поплыли тёмные пятна.
– Лиора, – снова произнёс бесцветник.
Голос теперь был похож на Райденов.
Я сжала его ладонь.
– Туда.
Райден ударил.
Красно-серебряная сила прошла не в бесцветника.
В пол.
По третьей линии.
Сначала ничего.
Потом правильный серебряный рисунок треснул.
Под ним открылась чёрная щель.
Холод вырвался в зал.
Бесцветник дёрнулся назад.
Его тело потеряло человеческие очертания.
– Ещё! – крикнула я.
Райден ударил второй раз.
Щель вспыхнула белым.
Пустая линия рассыпалась.
Существо вытянулось, будто его тянуло обратно в разрыв.
Раздался звук, похожий на слово, произнесённое одновременно десятком голосов.
Потом щель захлопнулась.
Бесцветник исчез.
В зале погас весь свет.
Я почувствовала, как пальцы Райдена сжались вокруг моих.
Не удерживали.
Просто не позволяли упасть.
Колени действительно подогнулись.
– Можете стоять?
– Уже нет.
Он подхватил меня за локоть.
– Можно?
Запоздалый вопрос, но в ситуации непосредственной угрозы договор позволял действовать.
– Можно.
Он помог мне опуститься на ступеньку у двери.
Сам сел не стал.
Опёрся рукой о стену.
Лицо было слишком бледным.
– У вас кровь.
Райден провёл пальцами под носом.
Посмотрел на красный след.
– Ничего.
– Прекрасный медицинский термин.
Мастер узла вернулся первым.
Эран, которого успели вызвать, появился через несколько минут.

Осмотрел Райдена.

Потом меня.

– Головная боль?

– Да.

– Зрение?

– Немного плывёт.

– Онемение?

Я посмотрела на пальцы.

– Правой руки.

– Дальше в печать сегодня не входите.

– Не собиралась.

– Рад однажды услышать разумный ответ без спора.

Эран перевёл взгляд на Райдена.

– Вы тоже.

– Нужно проверить разрыв.

– Мастер проверит.

– Я Хранитель.

– А я целитель. Сегодня это важнее.

Нэрис появилась в дверях.

– Я готова записать дату. Эран только что победил Райдена двумя предложениями.

– Закрой рот, – сказал брат.

– Ещё и грубит. Значит, жить будет.

Я закрыла глаза на несколько секунд.

Когда открыла, Марек стоял рядом с разрушенной линией.

– Здесь что-то есть.

Он не касался пола.

Просто указывал.

На месте пустой печати лежал маленький металлический предмет.

Райден хотел подойти.

Эран остановил его взглядом.

Марек поднял находку щипцами.

Тёмная пластина.

Два пересекающихся белых пути.

Второй дорожный знак Роэн.

Тот, что нашли наверху, лежал в опечатанном футляре.

Значит, это был другой.

На обороте сохранилось имя.

Марек всмотрелся.

– Здесь регистрация читается.

– Чья? – спросил Райден.

Капитан поднял глаза.

– Селин Роэн.

Тишина стала тяжёлой.

Имя мне ничего не говорило.

Пока.

– Кто это? – спросила я.

Райден смотрел на знак так, словно прошлое только что сделало ещё один шаг в комнату.

– Женщина, с которой Лиора тайно встречалась перед повреждением щита.

– Та самая иностранная посредница?

– Так её назвали в следствии.

Я посмотрела на разрушенную поддельную линию.

На место, откуда пришёл бесцветник.

На дорожную печать, спрятанную внутри узла.

– Тогда следствие пора начинать заново.

Глава 9. Курьер, которой не существовало

Селин Роэн прибыла в Рейнгард утром.

Официально её не было.

Ни в журнале ворот, ни в списке прибывших, ни среди посетителей, получивших дорожный пропуск. Марек проверил записи дважды и после второго раза выглядел ещё мрачнее.

– Человек не может просто войти в крепость, – сказал он.

Нэрис, стоявшая у окна моей рабочей комнаты, пожала плечом.

– Человек не может. Роэн может.

– Дорожные печати не открывают внутренние ворота без регистрации.

– Исправные не открывают.

Марек посмотрел на неё.

– Ты знала?

– Знала, что она попыбует прийти.

– И не сообщила мне?

– Сообщаю.

– После того как она уже внутри.

– Я хотела убедиться, что она пришла разговаривать, а не убивать кого-нибудь.

– Очень утешает.

Нэрис улыбнулась.

Я закрыла копию отчёта о найденной в нижнем узле печати.

Имя на металлической пластине совпадало с именем женщины, которую официальное следствие назвало иностранной посредницей.

Селин Роэн.

Хотя дом Роэн входил в Коронат.

Уже одна эта формулировка заставляла задавать вопросы.

– Где она? – спросила я.

– В старом складе возле западной стены.

– Почему там?

– Потому что в совет она идти отказывается, к Райдену идти отказывается, в моё помещение идти отказывается и вообще считает, что половина Рейнгарда продана людям, которые подставили Лиору.

Марек скрестил руки.

– Разумное основание для тайного проникновения в военную крепость.

– Я не говорила, что она приятная.

– Вы ей доверяете? – спросила я.

Нэрис перестала улыбаться.

– Нет.

Хороший ответ.

– Тогда почему привели?

– Потому что Лиора доверяла.

Телесная память отозвалась лёгким напряжением в груди.

Не теплом.

Не страхом.

Ожиданием.

Будто имя Селин означало разговор, который нельзя откладывать, но который почти наверняка закончится плохо.

– Райден знает?

– Теперь да.

Из коридора донеслись шаги.

Нэрис посмотрела на дверь.

– Очень теперь.

Райден вошёл после стука.

Один.

На правой руке чёрная перчатка. На лице следы бессонной ночи, которые не скрывал даже привычно прямой взгляд.

– Селин Роэн находится в Рейнгарде.

– Уже установили, – сказала я.

Он посмотрел на сестру.

– Ты провела её через внутреннюю линию.

– Провела.

– Используя аварийный воздушный проход.

– Да.

– После обнаружения поддельной дорожной печати.

– Именно поэтому обычными воротами было бы глупо.

Райден говорил всё тише.

– Ты понимаешь, что этот проход предназначен для эвакуации командования?

– Понимаю.

– И открывается только печатью крови Кернов?

– Тоже понимаю.

– Тогда особенно интересно, почему ты решила использовать его для человека, проходящего по делу об огненной измене.

Нэрис посмотрела на меня.

– Потому что человек, проходящий по делу, согласился говорить только с Лиорой.

– Госпожой Меррат-Керн, – поправил Райден.

Я подняла глаза.

Он произнёс это автоматически или сознательно, не поняла.

Но Лиорой меня больше не назвал.

Нэрис тоже заметила.

– С госпожой Меррат-Керн, – повторила она. – Наедине.

– Нет.

– Я так ей и сказала.

– И?

– Она ответила, что в таком случае уйдёт.

– Через мой закрытый воздушный проход?

– Вероятно.

Марек потёр переносицу.

– Я начинаю понимать, почему дорожные дома не любят военные.

– Потому что у вас всё либо заперто, либо запрещено, – ответила Нэрис.

– Потому что у вас всё либо обходится, либо продаётся.

– Дети, – сказала я.

Оба замолчали.

Райден перевёл взгляд на меня.

– Вы не встретитесь с ней без охраны.

– Не собиралась.

– И без меня.

– Вот это уже обсуждается.

Его лицо стало жёстче.

– Она связана с последними действиями Лиоры.

– Поэтому ваше присутствие может заставить её молчать.

– Или не дать ей солгать.

– Ложь легче услышать, когда человек вообще говорит.

– Вы предлагаете исключить меня из разговора, касающегося печати Кернов?

– Предлагаю сначала дать ей возможность рассказать свою версию. Потом зададите вопросы.

– Она может предупредить сообщников.

– Она уже проникла в крепость, которую вы считаете защищённой. Если хотела предупредить, сделала бы это раньше.

Нэрис кашлянула.

Райден посмотрел на неё.

– Что?

– Ничего. Просто приятно наблюдать, как кто-то ещё объясняет тебе очевидное.

– Выйди.

– Нет.

– Нэрис.

– Вера может решить сама.

Тишина изменилась.

Имя прозвучало просто.

Без особого значения для них.

Для меня оно ударило сильнее, чем должно было.

Нэрис не знала правды.

Она оговорилась?

Нет.

Она смотрела на меня и, судя по выражению лица, сама поняла, что сказала не то.

– Что вы произнесли? – спросил Райден.

Нэрис нахмурилась.

– Ничего.

– Вы называли её Верой.

Марек перевёл взгляд с неё на меня.

Я почувствовала, как холодеют пальцы.

Слишком рано.

Майра знала.

Эран подозревал больше остальных

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.